This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1R9P A

RUS
LAZ

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAY 6 1935

Ubiistvo Zheny

УБІЙСТВО ЖЕНЫ

КАНЦЕЛЯРСКИМЪ СЛУЖИТЕЛЕМЪ

ВЫСОТСКИМЪ,

ЕГО СОЗНАНІЕ И ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

СОСТАВЛЕНО

С. А. Лазаревымъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Printed in Soviet Union

MAY 6 1935

Дозволено цензурой. Москва, 5-го августа 1871 года.

23 и 24 іюня въ Смоленскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ разсматривалось дѣло о канцелярскомъ служителѣ *Иванѣ Ивановѣ Высотскомъ*, обвинявшемся въ предумышленномъ убійствѣ своей жены. Составъ суда: предсѣдательствовалъ исправляющій должность предсѣдателя суда *Мордухай-Болтовскій*, члены: гг. *Дондуковъ-Коровковъ* и *Красовскій*. Обвинялъ товарищъ прокурора *Товарковъ*, защищали: кандидатъ правъ *Шуфъ* и г. *Кичевъ*. Въ составъ присяжныхъ вошли семь чиновниковъ, четыре купца и одинъ крестьянинъ. Обстоятельства этого дѣла, по обвинительному акту, слѣдующія: „9-го ноября 1869 года, въ первомъ часу дня смоленская полиція была извѣщена объ убійствѣ жены канцелярскаго служителя, Антонины Викентьевой Высотской. По прибытіи полиціи, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ и врачемъ на мѣсто происшествія, Высотская найдена въ квартирѣ своей безъ признаковъ жизни: трупъ былъ еще тепловатый, но біенія сердца и дыханія уже не было замѣтно. Высотская лежала въ спальнѣ на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, одѣтая въ зеленую шерстяную юбку и такую же кофту. На кофтѣ въ разстояніи четырехъ дюймовъ отъ ворота оказалось отверстіе въ проходъ мизинца, съ довольно ровными краями. Соотвѣтственно этому отверстію, подобныя же отверстія, направляясь болѣе въ лѣвую сторону, нашлись на холщевой кофтѣ и рубашкѣ, окровавленныхъ въ этомъ мѣстѣ на полъ-ладони. На тѣлѣ Высотской въ лопаточной сторонѣ, дюйма на два отъ позвоночнаго столба, оказалось входное пулевое отверстіе, съ незначительнымъ кровянымъ подтекомъ. Спереди, на полъ-дюйма ниже окончанія грудной кости подъ кожею ощущалось круглое инородное тѣло, при разрѣзѣ кожи, оказавшееся коническою револьверною пулею, довольно большаго калибра. Описанныя поврежденія, по заключенію врача и врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, признаны безусловно смертельными.

по осмотру квартиры Высотской, во второй комнатѣ отъ входа, найденъ былъ въ шкафѣ шестиствольный револьверъ съ четырьмя только зарядами. Въ этой же комнатѣ, на столѣ, лежала росписка, написанная на имя пристава 2-й части города Смоленска въ удостовѣреніе того, что Антонина Высотская 9-го ноября получила отъ мужа сполна всѣ вещи, требованныя ею объявленіемъ, поданнымъ въ Смоленское полицейское управленіе 6-го ноября. Подписи Высотской подъ росписки этой нѣтъ. Смоленская мѣщанка Лук. Ив. Богданова, находившаяся въ услуженіи у Высотской, объяснила при слѣдствіи, что утромъ 9-го ноября въ квартиру Высотской пришелъ какой-то письмоводитель и сказалъ ей, что мужъ ея, проживавшій у пристава 9-го стана въ качествѣ помощника, при смерти боленъ и проситъ его навѣстить. На это Высотская отвѣтила, что мужу ея гораздо лучше было бы лежать у себя въ домѣ, чѣмъ въ квартирѣ становаго. Послѣ этого письмоводитель ушелъ и черезъ нѣсколько времени явился самъ Высотскій.

Поздоровавшись съ женою, онъ сѣлъ за столъ во второй комнатѣ и началъ что-то писать. Въ это время она, свидѣтельница, выходила не надолго изъ квартиры и затѣмъ, вернувшись, застала, что Высотскій все еще продолжалъ писать, причемъ разговора между Высотскими не было. Выйдя за перегородку въ сосѣднюю комнату она, Богданова, услыхала въ смѣжной комнатѣ выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ увидѣла бросившуюся къ наружной двери Высотскую. Едва она успѣла отворить Высотской дверь, какъ послышался другой выстрѣлъ, но не столь громкій, какъ первый. Въ ту же минуту Высотская безъ чувствъ упала на порогъ, произнеся слова: „Боже мой!“ Въ это время Высотскій, подбѣгая къ ней, закричалъ: „душка, прости меня.... скорѣе доктора!“ Эти послѣднія слова, сказанныя уже на лѣстницѣ, ведущей изъ квартиры на дворъ, слышала выбѣжавшая на шумъ хозяйка дома Марья Ивановна Грекова и проживающая въ ея домѣ дворянка Прасковья Павловна Эсмонтова. Послѣдняя, до прибытія полиціи переносила тѣло уже умершей Высотской съ того мѣста, гдѣ она упала, на постель. Найденный въ квартирѣ станового пристава Высотскій на первоначальномъ допросѣ сознался слѣдователю въ умышленномъ убійствѣ жены, объяснивъ, что утромъ 9-го ноября онъ взялъ у Лебедева безъ спросу заряженный револьверъ и отправился къ женѣ, жившей отъ него отдѣльно, съ цѣлью убить ее. Въ квартирѣ у нея онъ засталъ мѣщанку Лук. Иванову и такъ какъ за нѣсколько дней передъ этимъ жена черезъ полицію требовала отъ него свои вещи, то онъ прежде всего предложилъ подписать ту росписку, которая впослѣдствіи была найдена на столѣ, а въ то время, какъ же-

на сѣла за столъ, чтобы подписаться подъ роспис憂, онъ не помнитъ уже какимъ образомъ выстрѣлилъ и убилъ ее. Въ послѣдующихъ письменныхъ заявленіяхъ слѣдователю Высотскій отказался отъ этого показанія, какъ даннаго, по его словамъ, въ болѣзненномъ состояніи и заявилъ, что любовь къ женѣ и возбуждаемая ея поведеніемъ ревность разочаровали его въ жизни и ему пришло на мысль застрѣлиться въ ея глазахъ, доказавъ тѣмъ всю силу своего чувства къ ней и съ этою именно цѣлью онъ пришелъ къ ней въ квартиру и не помнитъ уже какимъ образомъ убилъ жену вмѣсто себя, находясь въ это время въ болѣзненномъ состояніи. Полицеймейстеръ г. Смоленска Майдановичъ и помощникъ пристава Висковскій, находившіеся при первоначальномъ допросѣ обвиняемаго показали, что Высотскій былъ при этомъ въ совершенно нормальномъ состояніи и не уклонялись, какъ они выразились, сознался въ убійствѣ жены. Кромѣ того Майдановичъ добавилъ, что за два дня до убійства Высотская жаловалась ему, что мужъ отобралъ у нея вещи и просила распоряженія объ истребованіи ихъ обратно. Приставъ 3-го стана Лебедевъ показалъ, что въ день убійства Высотскій, проживавшій у него на квартирѣ, какъ помощникъ по службѣ, попросилъ у него позволенія послать къ своей женѣ письмоводителя Лызлова сказать что-то о вещахъ. По уходѣ Лызлова черезъ нѣсколько времени и самъ Высотскій отправился изъ квартиры, отвѣтивъ ему совершенно спокойно, что скоро вернется. Черезъ часъ Высотскій возвратился назадъ и объявилъ, что убилъ жену. Револьверъ, найденный послѣ убійства въ квартирѣ Высотской былъ взятъ у него, Лебедева, безъ его вѣдома, онъ заряженъ былъ пятью пулями и лежалъ въ комнатѣ на этажеркѣ. Это показаніе отставной канцелярскій служитель Лызловъ дополнилъ тѣмъ, что по порученію Высотскаго онъ утромъ отправился съ письмомъ къ его женѣ. Высотская, прочитавъ письмо, поручила ему сказать мужу, что она только тогда вернется къ нему, когда онъ отдастъ ей половину взятыхъ имъ у нея вещей. Вслѣдствіе заявленія обвиняемаго о болѣзненномъ его состояніи, было произведено медицинское освидѣтельствованіе, по которому оказалось, что у Высотскаго учащенное сердцебіеніе, происходящее отъ увеличенія сердца въ объемѣ, но что душевное состояніе его не представляетъ уклоненій отъ нормы. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что Высотскій, по собственному его сознанію, рѣшившись на убійство жены, взялъ для этого изъ квартиры Лебедева заряженный револьверъ и утромъ 9-го ноября отправился для исполненія задуманной цѣли. Придя къ женѣ, онъ прежде всего предложилъ ей подписать росписку въ полученіи отъ него вещей, захвачен-

ныхъ имъ до этого изъ ея квартиры, хотя на самомъ дѣлѣ вещи ея и не были имъ возвращаемы и въ то время, какъ Высотская сѣла къ столу, чтобы сдѣлать подпись, онъ выстрѣлилъ по ней изъ револьвера. Судя по направленію раны, выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ тотъ моментъ, когда Высотская не могла видѣть мужа, стоящаго позади ея. Сознательное состояніе обвиняемаго во время совершенія преступленія и при снятіи съ него допроса, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, доказывается и росписью, которая вполнѣ удовлетворяетъ цѣли ея написанія, выказываетъ обдуманность въ дѣйствіяхъ Высотскаго и, судя по почерку ея, довольно твердому, нельзя заключить, чтобы оно писано было въ взволнованномъ состояніи. На вышеизложенныхъ основаніяхъ канцелярскій служитель Ив. Ив. Высотскій, 24 лѣтъ, обвиняется въ предумышленномъ убійствѣ своей жены, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1451 ст. Улож. о нак.“

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта на вопросъ предсѣдателя: признаетъ ли себя подсудимый виновнымъ?—*Высотскій* отвѣчалъ: я признаю себя виновнымъ въ убійствѣ жены, но не признаю виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ.

Защитникъ подсудимаго, г. Шуфъ обратился къ суду съ заявленіемъ, что такъ какъ судъ предоставилъ ему, защитнику, право пригласить въ судъ психіатра доктора Беккера, которому необходимо произвести медицинскій осмотръ подсудимому, то онъ проситъ судъ о постановленіи произвести этотъ осмотръ въ отдѣльной комнатѣ.

Тов. прокурора далъ заключеніе, что если судъ уважитъ ходатайство защитника, то чтобы осмотръ происходилъ въ присутствіи суда, присяжныхъ и врачей, вызванныхъ въ качествѣ экспертовъ.

Г. Шуфъ возразилъ, что по принятому обычаю довольно присутствія при осмотрѣ прокурора и защитниковъ.

Судъ постановилъ, что примѣняясь къ 688 ст. Уст. Угол. Суд. ходатайство защитника признать справедливымъ и дозволить г. Беккеру освидѣтельствовать подсудимаго въ присутствіи прокурора и защитниковъ, если они пожелаютъ, и при четырехъ вызванныхъ экспертахъ, а на члена суда Дондукова-Корсакова возложить обязанность наблюдать, чтобы г. Беккеръ не говорилъ съ экспертами и не предлагалъ бы имъ вопросовъ, а равно то же самое наблюденіе имѣть и за гг. защитниками.

Послѣ освидѣтельствованія подсудимаго приступлено было къ спросу свидѣтелей.

Мѣщ. Богданова (служанка Высотской) показала: наканунѣ убійства Иванъ Ивановичъ былъ у насъ вечеромъ, а въ это время Антонина Викентьевна была въ маскарадѣ. Проситъ онъ

меня сходить за водкой, но я говорю ему, что не пойду, потому что у васъ и такъ біеніе сердца. Что ты боишься, говоритъ, я не украду у васъ ничего,—я посмѣялась этому. Онъ ушелъ потомъ куда-то, вѣроятно, выпить; вернувшись, опять уходилъ, затѣмъ свѣчку сталъ вставлять въ подсвѣчникъ и все дѣлалъ лѣвой рукой, а правую держалъ все время подъ шинелью, какъ будто что было въ ней. Я тутъ подумала, что не портретъ ли жены онъ взялъ. На другой день явился какой-то человѣкъ и говоритъ, что Иванъ Ивановичъ при смерти боленъ, а я и говорю, что вчера больно выпивши былъ, такъ можетъ оттого. Антонина Викентьевна говоритъ посланному, чтобы мужъ ѣхалъ къ ней и чтобъ вещи привезъ. Черезъ полчаса послѣ этого явился и самъ Иванъ Ивановичъ и говоритъ женѣ: ты, душечка, желала меня видѣть, вотъ я и пріѣхалъ, и пошелъ въ спальную и началъ писать что-то. Это я видѣла, потому что входила въ комнату за полотенцемъ, только что вышла, какъ онъ бацъ! она вскрикнула: ахъ, Боже мой! и выбѣжала, а онъ еще бацъ! Я закричала: ахъ, убилъ! Она упала ко мнѣ на плечо, а онъ подбѣжалъ и говоритъ: душечка, прости меня, и посылаетъ скорѣй бѣжать за докторомъ. Я вездѣ ихъ искала,—нигдѣ нѣтъ, встрѣтила наконецъ полицеймейстера и пріѣхала съ нимъ... Вещи я не припомню въ какой день онъ у жены взялъ — помню, что это было только въ пріѣздъ Государыни и взялъ ихъ не при мнѣ, а при моей матери. Приносилъ ли онъ ей 9-го числа вещи —я не видала. Былъ онъ тогда въ шубѣ, кажется, станового. Переѣхалъ Высотскій отъ жены, какъ обобралъ ее, и ссора у нихъ была изъ-за вещей (на вопросы защ. Шуфа). Визитку Щировскаго взяла я защить, я ему и прежде носки вязала, онъ бывало когда гривенникъ, когда пятачекъ дастъ. Антонина Викентьевна тоже шила на Щировскаго рубашки. Она когда еще барышней была, то жила съ Щировскимъ, а какъ замужъ вышла, то онъ и не ходилъ къ намъ, развѣ только когда Иванъ Ивановичъ позоветъ, жилъ онъ недалеко отъ насъ и бралъ обѣдъ у насъ. Сперва они съ барыней три года жили на одной квартирѣ. 9-го числа мы съ барыней не испугались Высотскаго, какъ онъ вошелъ, а я больше испугалась его наканунѣ;—какъ отворила ему, такъ и обомлѣла, вѣрно сердце чувствовало. Антонина Викентьевна вернулась тогда изъ маскарада часа въ два, только, что онъ ушелъ. Доктора у него не бывало, но Высотскій все что-то пилъ отъ сердцебіенія, объ этомъ и жена его знала. Когда онъ переѣхалъ отъ жены, то она очень скучала.... объ вещахъ и говорила: Боже мой, что это онъ меня всю обобралъ.

По заявленію защитника Шуфа было прочтено показаніе Богдановой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, въ кото-

ромъ она между прочимъ показала, что Высотскій утромъ 9-го числа явился въ страшно взволнованномъ видѣ и жена и она его очень испугались, потому что онъ все въ жену всматривался. Что Высотскій очень любилъ жену и исполнялъ всѣ ея капризы и спускалъ ея дерзости. Что переѣхалъ онъ отъ нея по ея требованію.

Богданова далѣе показала, что она утверждаетъ свое показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, но заявила, что она о страшномъ видѣ Высотскаго не говорила и слѣдователь ей не читалъ ея показанія. Что она не знаетъ почему Высотскій убилъ свою жену, но думаетъ, что не изъ ревности, потому что у него у самого была дѣвка и два ребенка отъ нея. Что вещей не видала у Высотской и не знаетъ, какія онъ у нея взялъ, знаетъ только, что онъ взялъ двѣ подушки и матрацъ и что Щировскаго послѣ убійства видѣла разъ 20 и онъ какъ-то около поста купилъ у нея, свидѣтельницы, тальму одной барынѣ, и за труды далъ ей 20 коп.

Подсудимый. Не говорилъ ли я вамъ, Богданова, что жена дурно со мной обращается и отталкиваетъ меня отъ себя, какъ мужа?

Богданова. Я этого не понимаю.

Предсѣдатель. Васъ подсудимый спрашиваетъ, что не говорилъ ли онъ вамъ, что жена его отталкиваетъ отъ себя?

Богданова. Я не видала, чтобы Антонина Викентьевна толкала Ивана Ивановича.

Предсѣдатель. Вамъ уже 40 лѣтъ и неужели вы не понимаете о чемъ васъ спрашиваютъ, что не отказывала ли Высотская своему мужу въ тѣхъ сношеніяхъ съ собою, отъ которыхъ бываютъ дѣти?

Богданова отвѣчала: я не понимаю такихъ сношеній.

Подсудимый. Я познакомился съ женою своею, когда мнѣ было лѣтъ 17—18, я былъ въ то время дома въ деревнѣ, на вакаціи. Я ею сильно заинтересовался, но потомъ потерялъ ее надолго изъ виду. Наконецъ я столкнулся съ нею въ Смоленскѣ, увлекся еще болѣе и женился. Она на бракъ была совершенно согласна. Знакомые мнѣ говорили тогда, что она недобропорядочнаго поведенія и что этою женитьбой я уроню себя въ глазахъ нашего общества, но я не обращалъ вниманія на эти совѣты. Она говорила мнѣ, что она несчастная женщина, что ведетъ подобную жизнь по необходимости, изъ-за того, что нечѣмъ жить. Что сначала она была жертвою игры какого-то гусара, и затѣмъ связь свою со Щировскимъ объясняла тѣмъ, что ей нечего было ѣсть. Она клялась мнѣ, что оставитъ прежъ

ною жизнь, Шировскій тоже мнѣ далъ слово, что между ними все будетъ кончено, что онъ даже уѣдетъ изъ Смоленска. Я Шировскаго до женитьбы хотя и видѣлъ всего раза два, но считалъ его за порядочнаго человѣка, и ему вѣрилъ. Я женился. Послѣ этого Шировскій ходилъ къ намъ недѣли двѣ каждый день, плакалъ и говорилъ, что ему очень скучно. Первое время я его самъ приглашалъ. Затѣмъ я сталъ узнавать отъ знакомыхъ, что отношенія между моею женою и Шировскимъ прежнія, но я на это не обращалъ вниманія, считая это сплетнями. Наконецъ и самъ сталъ замѣчать справедливость этихъ сообщеній. Она говорила мнѣ иногда, что сожалѣетъ, что утратила любовь Шировскаго и затѣмъ подозрѣнія мои подтвердились тѣмъ, что жена моя нанала квартиру рядомъ съ Шировскимъ, готовила ему кушанье, шила ему бѣлье и перешивала платье, она часто уходила къ нему на квартиру, не сказавъ мнѣ зачѣмъ идетъ. Я очень часто уѣзжалъ въ командировки и не могъ слѣдить за нею постоянно,—разъ, помню пріѣхалъ изъ одной командировки, она мнѣ и говоритъ: зачѣмъ вернулся такъ скоро, уѣзжай откуда пріѣхалъ, и наконецъ стала настаивать, чтобы я переѣхалъ отъ нея къ становому Лебедеву. Я вынужденъ былъ уѣхать, но отъѣхавъ немного, на меня напала тоска, я вернулся, сталъ ее уговаривать, говорилъ: извини, если я тебя чѣмъ оскорбилъ, но она хотя и сознавалась, что сплетни ей надоѣли, но настояла на своемъ. Такимъ образомъ, я два раза уѣзжалъ къ Лебедеву, Я узналъ также потомъ, что она ночевала у офицера Карликаго и чтобы провѣрить это подозрѣніе, я самъ былъ тогда у него и убѣдился въ этомъ... Вещи у нея я не помню какъ захватилъ, они были въ одномъ сундукѣ съ моими. Я услыхалъ тогда, что она со Шировскимъ хочетъ куда-то уѣхать и вещи, сколько припоминаю, взялъ для того, чтобы она пришла ко мнѣ и чтобы я имѣлъ случай переговорить съ нею о нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ думалось совершить самоубійство, чтобы показать ей, что причиною этого она. Я не думаю, чтобы она сама выдумала такія клеузы, какъ подать на меня заявленіе о захватѣ ея вещей, и вѣроятно это были происки кого-либо изъ ея фаворитовъ. Въ квартирѣ ея я даже опасался бывать, чтобы не получить отъ компаніи ея какого-либо оскорбленія. Вещи я послалъ къ ней съ Лмазовымъ, а также и письмо, но не знаю отдалъ ли онъ ей письмо. Когда онъ вернулся и сказалъ, что она говоритъ, чтобы я самъ пришелъ къ ней, я схватилъ портфель съ бумагами, остальныя ея вещи и тутъ мнѣ попался на глаза револьверъ, я взялъ и его и побѣжалъ къ ней. Она жила отъ Лебедева всего въ пяти минутахъ разстоянія. Прибѣжавши къ ней я отдалъ ей вещи и спросилъ росписку—она говоритъ: напиши, я подпи-

шу. Я вынулъ бумагу изъ портфеля и началъ писать, писалъ я такъ, что не могъ связать двухъ словъ и все старался припомнить написанное. Я написалъ наконецъ росписку, но жена медлила ее подписать; въ это время я сталъ разсматривать комнаты и вдругъ въ спальнѣ увидалъ пиджакъ Шировскаго. Мнѣ показалось, что Шировскій въ спальнѣ. Я схватилъ револьверъ и бросился, но не могу дать отчета кого я хотѣлъ убить: себя или ее. Сколько разъ я выстрѣлилъ — не помню. Не помню зачѣмъ я и револьверъ съ собой взялъ, но мысль о самоубійствѣ у меня зародилась еще задолго до этого дня, но времени опредѣлить не могу.... Въ послѣднее время жена не говорила со мною и двухъ словъ, я старался сколько разъ заговаривать съ нею, но это не помогало. Когда я вернулся послѣ убійства въ канцелярію становаго, то, встрѣтивъ знакомыя лица—Лебедева и письмоводителя, нѣсколько очувствовался и объявилъ объ убійствѣ жены... Боленъ я и сперва былъ, болѣзнь появилась мѣсяцевъ за семь до убійства, но грудь болѣла, когда я еще былъ въ семинаріи, пользовалъ меня докторъ Русановъ, прописывалъ мнѣ лѣкарства перемѣнныя, которыя я принималъ регулярно. Помню, разъ упадокъ силъ у меня былъ такъ великъ, что я не въ состояніи былъ ходить по комнатѣ. Женатъ я былъ три мѣсяца только, но расположеніемъ жены пользовался недѣли двѣ.

Мѣщанка Мар. Ив. Грекова показала: объ убійствѣ я ничего не знаю; видѣла только, какъ Антонина Викентьевна лежала на порогѣ, было это часу въ 11-мъ. Я жила въ одной половинѣ дома, а она въ другой. Услыхавши крикъ жившей у ней женщины, я вышла и увидала Антонину Викентьевну уже мертвою, около нея стояли Богданова и Высотскій, который, кажется, сказалъ, чтобы за докторомъ послать. Я сейчасъ же пошла и объявила полиціи. О личныхъ ихъ отношеніяхъ я ничего не знаю, о причинѣ убійства также не знаю, а равно какого поведенія была Высотская. Личность Шировскаго знаю, но не видала, чтобы онъ заходилъ къ Высотской.

По прочтеніи ея показанія, даннаго ею на предварительномъ слѣдствіи, въ которомъ между прочимъ она говоритъ, что Высотскій сказалъ женѣ: „душенька, прости меня..... скорѣе доктора!“ Грекова заявила, что она этихъ словъ не слыхала.

Становой приставъ Лебедевъ показалъ: при убійствѣ я не былъ. Высотскаго я знаю за человѣка хорошаго, скромнаго, но раздражительнаго. Жилъ онъ у меня два раза: прежде три года и затѣмъ незадолго до убійства. О причинѣ послѣдней переѣзды ко мнѣ Высотскій сказалъ мнѣ, что жена его неспокойнаго характера, не любитъ его и невѣрна ему. Ее же я видѣлъ всего раза два. Платилъ я ему холостому по 10 р. въ мѣсяцъ на мо-

емъ столѣ, а когда женился онъ, то получалъ по 15 р. Высотскій очень часто жаловался мнѣ на сердцебіеніе и боль подъ ложечкой, въ это время онъ бывалъ блѣднѣе обыкновеннаго и у него являлась сильная раздражительность, доходившая до того, что онъ ударялъ иногда сотскихъ по лицу, но тотчасъ же самъ сознавался, что этого не слѣдовало дѣлать. Сотскіе никогда не жаловались на него, и въ двухъ станахъ, въ которыхъ онъ служилъ со мной, если сдѣлать повальный обыскъ, то объ немъ всѣ скажутъ только хорошее. Раздражительность его я относилъ и отношу къ болѣзненному его состоянію. Докторъ Русановъ пользовалъ его отъ сердцебіенія не менѣе года, я видѣлъ, что онъ пилъ лимонный сокъ. Высотскій иногда замѣнялъ меня, я поручалъ ему сборы денегъ и онъ всегда отличался честностью. Послѣ женитьбы я замѣчалъ въ немъ мрачность, апатію къ дѣлу, прежде же онъ былъ гораздо дѣятельнѣе и прилежнѣе къ службѣ. О вещахъ я знаю только то, что, кажется Новицкій, мнѣ говорилъ, что Высотскій захватилъ у жены вещи, потомъ говорилъ Лызловъ, что онъ относилъ вещи къ женѣ Высотскаго и затѣмъ Новицкій сказалъ мнѣ, что вещи были всѣ возвращены. До женитьбы у Высотскаго также были вещи, но послѣ женитьбы одѣваться онъ сталъ лучше и я видѣлъ у него золотые часы. Наканунѣ убійства я видѣлъ Высотскаго часовъ въ 9-ть вечера, но уходилъ ли онъ изъ дому,—не знаю, въ день же убійства онъ спросилъ у меня позволенія послать Лызлова къ своей женѣ, я позволилъ; вскорѣ я увидалъ, что и онъ уходитъ, я спросилъ его: куда,—онъ отвѣчалъ, что сейчасъ вернется. Въ это время я снималъ допросъ съ одного нѣмца и не замѣтилъ въ какомъ состояніи былъ Высотскій. Револьверъ до 5-го ноября лежалъ у меня въ портфелѣ, а потомъ на этажеркѣ, заряженъ онъ былъ пятью зарядами, шестой былъ пустой. Когда Высотскій возвратился, то сбросивъ шинель, неестественнымъ голосомъ—не сказалъ, а просто закричалъ: „убилъ жену!“ У меня даже руки опустились. Глаза его были нехороши, онъ былъ какъ помѣшанный, я не повѣрилъ ему и пригласилъ его ѣхать съ собой. Я постоянно не совѣтовалъ Высотскому жениться на бывшей его женѣ, потому что она не пользовалась по народной молвѣ хорошею репутаціею, вслѣдствіе этого онъ скрывалъ отъ меня намѣреніе жениться и женился, когда я уѣхалъ изъ города по одному дѣлу, а онъ ѣхать отказался. Самъ я объ ней ничего не могу сказать, но въ домъ бы къ себѣ не принялъ. (Предсѣдатель: почему-же?) Потому что.... она была другаго исповѣданія.

Предсѣдатель къ подсудимому: вы можете не отвѣчать на мой

вопросъ, если не хотите, не я желаю васъ спросить: имѣли ли вы женщину и двухъ дѣтей отъ нея?

Подсудимый: не желаю отвѣчать.

Канцелар. служит. Лызловъ показалъ: въ день убійства Высотскій написалъ письмо къ своей женѣ и я съ дозволенія становаго пошелъ къ ней и понесъ также вещи, которыя онъ просилъ меня ей отдать. Я отдалъ ей письмо и вещи и сказалъ, что онъ боленъ и проситъ ее пріѣхать. Она отвѣчала, что тогда только пойдетъ, когда онъ возвратитъ ей остальныя вещи. Кухарка ея была тутъ же, но видѣла ли она, какъ я передавалъ Высотской письмо и вещи,—не знаю. Вещи были завернуты въ бумагѣ, остались у Высотскаго вещи только въ коробочкахъ, которыя онъ потомъ понесъ ей самъ—они могли легко быть положены имъ въ портфель. Высотской я не говорилъ, что мужъ ея *при смерти* боленъ и не смѣялся при этомъ, а сказалъ просто, что боленъ. Дней за 5 или за 7 до убійства я ночью видѣлъ, какъ Высотскій просыпался, ходилъ по комнатѣ, тосковалъ, плакалъ и говорилъ, что лишитъ себя жизни; когда я спросилъ его: что съ нимъ, онъ отвѣчалъ, что ему скучно, больно. Неоднократно также Высотскій безъ причины рвалъ бумагу, билъ посуду, плакалъ, былъ задумчивъ, жаловался на головную боль и боль подъ ложечкою. Когда за нѣсколько дней до происшествія жена его приходила къ нему и съ ругательствами брала у него вещи и рылась вездѣ, то онъ ей не препятствовалъ это дѣлать. Послѣ убійства Высотскій, возвратясь въ канцелярію, сказалъ *тихимъ* голосомъ, что убилъ жену.

На очной ставкѣ съ Богдановой, послѣдняя осталась при своемъ показаніи, что Лызловъ ни письма, ни вещей не приносилъ и говорилъ, что Высотскій боленъ при смерти и при этомъ смѣялся. На очной ставкѣ съ Лебедевымъ Лызловъ объяснилъ, что потому быть можетъ ему послышалось, что Высотскій сказалъ *тихимъ* голосомъ объ убійствѣ жены, что онъ былъ въ сосѣдней комнатѣ.

Помощ. частн. прист. Висковскій показалъ: узнавъ о происшествіи, я по пути заѣхалъ къ доктору Эрсу, но увидавъ, что Богданова и врачъ Тамаринъ съ полицеймейстеромъ ѣдутъ изъ полиціи, поѣхалъ за ними. Вещей мы сейчасъ не осматривали, а послали за слѣдователемъ. Слѣдователю Высотскій отвѣчалъ безъ остановочно, былъ въ спокойномъ состояніи и хладнокровно сказалъ, что убилъ. Когда же слѣдователь, обратясь къ Высотскому, сказалъ: не больны ли вы? Тогда онъ отвѣчалъ, что боленъ и просилъ отложить допросъ. Не помню говорилъ ли онъ о причинѣ убійства, но послѣ допроса говорилъ, что и теперь Щировскаго пиджакъ находится у его жены. Пиджакъ этотъ

мы видѣли. О болѣзни Высотскій заявилъ спустя уже около часу.

Подсудимый. Слѣдователю прежде, чѣмъ онъ предложилъ мнѣ вопросъ о болѣзни, я сказалъ, чтобы меня привели въ болѣе нормальное состояніе и на меня первый обратилъ вниманіе Тамаринъ и, пощупавъ пульсъ, сказалъ, что я боленъ.

Бывшій полицеймейстеръ Майдановичъ показалъ: когда мнѣ донесли объ убійствѣ Высотской, я взялъ съ собой врача Тамарина, потому что думалъ, что она еще жива и поѣхалъ къ ней на квартиру. О вещахъ я не припомню—были ли онѣ у нея на квартирѣ, револьверъ лежалъ въ шкафу, на столѣ лежала росписка о принятіи вещей, писанная рукою Высотскаго. Рѣчь о пиджакѣ не заходила, а онъ слѣдователю сказалъ, что отвѣчать не можетъ, и просилъ отложить допросъ. При допросѣ я былъ все время, исключая только нѣсколькихъ минутъ, употребленныхъ мною на докладъ губернатору по этому дѣлу. До заявленія Высотскимъ о болѣзни прошло около часу. По пріѣздѣ на квартиру Высотской, я послалъ за Высотскимъ помощника пристава и Гуткова и они привезли его черезъ четверть часа. Высотскій былъ блѣденъ и взволнованъ. Въ частномъ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что убилъ жену за ея невѣрность и сказалъ это убитымъ тономъ. Высотская жаловалась мнѣ, что мужъ ея взялъ у нея вещи и что она подала объ этомъ прошеніе. Исполненіе по этому дѣлу поручено было Приставу второй части, но отдалъ ли вещи Высотскій—этого не припомню. Объявленіе же ея, поданное ею въ полицію, найдено было у ней на столѣ. Высотская говорила мнѣ прежде, что вышла замужъ потому что желала пристроиться. Вещи въ полицію попали послѣ составленія имъ описи по распоряженію слѣдователя.

Подсудимый. Объявленіе жены вручилъ мнѣ Частный Приставъ Новицкій, съ тѣмъ чтобы я представилъ отъ жены своей росписку въ полученіи вещей.

Дворянка Правк. Эзмонтова показала: услыхала я, что Высотская и кухарка ея бѣгутъ и кричатъ: убилъ. Я выскочила изъ комнаты (я жила въ томъ же домѣ) и вижу, что за ними бѣжитъ онъ съ пистолетомъ въ рукахъ. Когда она упала, онъ плакалъ, цѣловалъ ее, просилъ, чтобы она его простила. Потомъ предложилъ мнѣ отнести ее на кровать, мы и отнесли. Говорилъ, что Богъ его будетъ судить, повторялъ: прости Антониночка, скажи хоть одно слово, я тебя очень любилъ!

Купецъ Петръ Кондрат. Орловъ показалъ: съ Высотской я познакомился мѣсяца за два до происшествія; съ Щировскимъ я былъ болѣе знакомъ, чѣмъ съ Высотскимъ и совѣтовалъ ему не бывать у Высотскаго, на что́ мнѣ и Щировскій и Высотская

замѣтили, что прежнія отношенія между ними уже кончены. Высотскій же въ этотъ періодъ времени былъ жалокъ, говорилъ постоянно о религіи, объ обязанностяхъ, такъ что видно было, что онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Высотскій мнѣ тоже говорилъ, что отношеній между его женою и Щировскимъ не существуетъ. Я зналъ, что Высотская очень капризна и характеръ у нея нехорошъ и слышалъ, что за капризы Щировскій ее сильно билъ. Впослѣдствіи и бывалъ у нея вмѣстѣ съ Щировскимъ. Въ день убійства ея я видѣлъ Высотскаго черезъ четверть часа въ лавочкѣ въ домѣ Грековой, гдѣ онъ находился подъ стражею. Ему безпрестанно дѣлалось дурно и его спасали только водой и давали въ носъ табаку.

Свидѣтельница Доброродова показала: дня за три до убійства Высотскій пришелъ ко мнѣ и такой былъ страшный, что напугалъ меня и я послала за одной знакомою женщиною. Онъ говорилъ тогда внѣ себя, что убьетъ жену и себя. Я знаю, что онъ пилъ лекарство, жаловался на головную боль и лилъ на голову воду, говорилъ также часто о боли подъ ложечкой, вскакивалъ иногда по ночамъ и рвалъ бумагу. Часто говорилъ, что желалъ бы умереть. Я ему жениться не совѣтовала и Высотская уже будучи невѣстой, недѣли за двѣ до свадьбы ѣздила съ Покровскимъ за Днѣпръ, потомъ ѣздила еще съ кѣмъ-то. Знали они другъ друга лѣтъ шесть и Антонина Викентьевна мнѣ говорила, что очень любитъ Высотскаго, но я этому никогда не вѣрила, видя ее поведеніе.

Свидѣтель Покровскій показалъ: знаю я Высотскаго года два и когда услыхалъ, что онъ хочетъ жениться, то отсовѣтывовалъ ему. Антонину Викентьевну тоже зналъ хорошо, а равно и поведеніе ея. Разъ какъ-то я зашелъ къ ней въ домъ и меня поразила въ спальнѣ ея мужская шапка и за ширмами сильное дыханіе спящаго человѣка. Я съ нею самъ катался какъ-то. Высотскій мнѣ говорилъ впослѣдствіи, что у него несчастная жизнь.

Свидѣтель Игнатьевъ показалъ: что разъ Высотская прибѣжала къ своему мужу, который только что переѣхалъ на квартиру къ Лебедеву, въ $10^1/_2$ часовъ вечера и какъ разъяренная гіена кинулась къ вещамъ Высотскаго, рылась въ нихъ и ругала мужа за то, что онъ взялъ ея вещи; что Высотскій отвѣчалъ ей на это: бери все, что тебѣ надо, и жена развязывала узлы и выбирала изъ нихъ вещи и удалилась лишь потому, что онъ, Игнатьевъ, замѣтилъ ей, чтобы она не шумѣла и кромѣ того было уже очень поздно. Далѣе свидѣтель показалъ, что въ послѣднее время здоровье Высотскаго дѣлалось все хуже и хуже и онъ не разъ высказывалъ, что порѣшитъ съ собою. Что по его, свидѣтеля, мнѣнію вещей было всего рублей на сто.

Купецъ Матвѣй Орловъ показалъ: жену Высотскаго я зналъ очень хорошо, зналъ испорченный нравъ ея, зналъ ее какъ содержанку, какъ дѣвку, которая всѣхъ мущинъ принимала. Со мной она проспиживала по цѣлымъ ночамъ, но я не соглашался заплатить ей деньги. Разъ я пріѣхалъ къ Щировскому, его не было дома, я поговорилъ съ ней въ пріемной, потомъ пошли въ спальную, стали разговаривать недалеко отъ кровати, она прилегла на нее, я снялъ сюртукъ и разстегнулъ жилетъ. На груди у меня былъ мѣшечекъ съ деньгами моего брата и когда она прижала меня къ себѣ, то почувствовала, что что-то ей мѣшаетъ. Она спросила: что это? Я отвѣчалъ, что деньги. Она проговорила: а, это очень хорошо, дай мнѣ 30 р. Я говорю: это деньги брата, не далъ ей и уѣхалъ. Случай этотъ былъ за недѣлю до свадьбы ихъ. Я убѣждалъ Высотскаго не жениться на ней, но онъ говорилъ, что любитъ Антонину и вѣритъ ей, что она пала при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, но что онъ вырветъ ее изъ этого омута и спасетъ. Послѣ этого я оставилъ свои убѣжденія. Послѣ женитьбы ихъ я бывалъ у Высотскаго, но Щировскаго онъ *при мнѣ* не приглашалъ къ себѣ. Въ одно изъ посѣщеній моихъ разъ Высотская такъ сильно ударила мужа по носу, что у него пошла кровь и также помню я, что дня за два до свадьбы ихъ я былъ у Щировскаго и нужно было подать закуску которой Антонина Викентьевна не подала. На это ей Щировскій замѣтилъ, что она такъ рада, что выходитъ замужъ, что забываетъ уже, что нужно сдѣлать. Она отвѣчала: если я и выхожу замужъ, но для тебя останусь всегда тѣмъ же. Что же касается до того, что она измѣняла и Щировскому, то это я тоже знаю. Сестра моя была знакома съ ней и не ночевала разъ дома. Матушка моя, зная ихъ знакомство, пошла къ Щировскому и увидала, что у Антонины Викентьевны, въ отсутствіе Щировскаго, лежитъ за ширмами на кровати мущина, а у кровати стоятъ военные сапоги. Сестра же моя спала въ другой комнатѣ на диванѣ. Послѣ этого матушка просила меня, чтобы я какъ-нибудь отклонилъ знакомство сестры моей съ Антониной. Высотскій одно время жилъ у меня въ домѣ.

Вслѣдствіе нѣкотораго противорѣчія въ показаніи Орлова съ даннымъ на предварительномъ слѣдствіи, послѣднее было прочтено. Оно слѣдующаго содержанія: „Канцел. служителя Иван. Иванов. Высотскаго я узналъ за два или за три дня до его женитьбы на Антонинѣ Викентьевнѣ и зналъ, что онъ женится на содержанкѣ коллежск. регистрат. Апполона Васильева Щировскаго, о чемъ зналъ и Высотскій, который когда бралъ у меня платье къ свадьбѣ, то высказалъ, что онъ знаетъ, что она содержанка Щировскаго. Что онъ знакомъ былъ съ нею прежде,

но хочетъ возвратить ее отъ заблужденія во что бы то ни стало, а потому изъ любви къ ней женится. Послѣ свадьбы я бывалъ у Высотскаго и замѣтилъ, что онъ доволенъ своею судьбой и даже счастливъ, а состояніе Антонины Викентьевны было наоборотъ—она оказывала неудовольствіе и прямое пренебреженіе къ мужу, но изъ-за чего это было мнѣ неизвѣстно и знать я не домогался. Бывалъ у нихъ вмѣстѣ и со Щировскимъ и при мнѣ Высотскій приглашалъ Щировскаго посѣщать ихъ какъ можно чаще и что онъ не подозрѣваетъ ихъ прежнихъ интимныхъ отношеній. Вообще Высотскій былъ человѣкъ скромный, добрый и снисходительный, а Антонина Викентьевна была характера вспыльчиваго и дерзкая. О посѣщеніяхъ Щировскаго квартиры Высотскихъ я могу сказать, что Щировскій у нихъ столовался (бралъ столъ), а потому бывалъ тамъ. Болѣе я ничего не знаю.

Свидѣтель Чеплевскій показалъ: былъ я разъ на квартирѣ Высотскихъ и видѣлъ между ними непріятность, которая вынуждена была его женою. Дѣло было такъ: посланъ я былъ на дѣло по распоряженію г. Лебедева, но очень загрязнился и заѣхалъ къ Высотскому обчиститься. Въ это время вошли къ нимъ въ квартиру двое, изъ которыхъ одинъ былъ Щировскій и попросили у Антонины Викентьевны двѣ простыни и мыла, чтобы идти въ баню. Высотская имъ тотчасъ же дала то и другое. Я хотѣлъ тогда взять Высотскаго съ собою и онъ попросилъ что-то у жены изъ бѣлья. Она отвѣчала, что нѣтъ. Высотскій вспыхнулъ и говоритъ, что же, для другихъ есть, а для меня нѣтъ? Съ этого и началась ссора. Высотскій порвалъ на себѣ галстухъ, сорочку и въ ноябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ со мной въ лѣтнемъ платьѣ и уже на дорогѣ взялъ его назадъ, встрѣтившійся съ нами Лебедевъ. Онъ всю дорогу молчалъ и былъ внѣ себя. Я счелъ это или за болѣзнь или за то, что жена постоянно его раздражаетъ.

Затѣмъ прочтенъ былъ судебно-медицинскій актъ слѣдующаго содержанія: 1871 года января 11 дня уѣздный врачъ Русановъ, помощникъ инспектора врачебной управы Севрюгъ и врачъ Смоленскаго тюремнаго замка Строгановъ въ присутствіи товарища прокурора Товаркова, судебнаго слѣдователя Завадовскаго и двухъ посторонннихъ понятыхъ производили судебно-медицинское освидѣтельствованіе о состояніи здоровья Ив. Высотскаго и при этомъ оказалось, что онъ 25 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія средняго, имѣетъ черепъ правильно развитый, на покровахъ головы на лѣвой верхней затылочной части виденъ рубецъ давняго происхожденія, образовавшійся вслѣдствіе потери кожи во всю ея толщу, по словамъ Высотскаго—послѣ ушиба головы при паденіи въ дѣтствѣ.... Кромѣ того другой рубецъ

на лѣвой части лба въ полдюйма длиною.... Глаза имѣетъ чистые, реакція зрачковъ нормальна, языкъ нормаленъ, оба легкихъ нормальны, пульсъ до 120 ударовъ въ минуту, замѣтно нервное раздраженіе, которое находится въ связи съ его болѣзнью сердца. Душевное состояніе въ настоящее время не представляетъ видимаго уклоненія отъ нормы.

Приступлено было къ спросу врачей-экспертовъ.

Врачъ Русановъ показалъ: что онъ пользовалъ Высотскаго отъ 8 до 9 мѣсяцевъ и замѣтилъ органическій порокъ сердца и онъ жаловался также на сердцебіеніе, противъ чего онъ, Русановъ, прописывалъ ему успокоительныя капли. Что видѣлъ разъ, какъ съ Высотскимъ сдѣлался обморокъ, продолжавшійся съ полчаса, такъ что можно было опасаться за его жизнь. Что болѣзнь эта, по его, эксперта, мнѣнію, развилась давно и при немъ разъ было, что Высотскій ударилъ сотскаго и очевидно, что аффектъ этотъ возросъ на болѣзненной почвѣ. Что болѣзнь Высотскаго вообще можно называть душевной болѣзнью и на основаніи всѣхъ ея признаковъ назвать ее можно, какъ называетъ ее Крафтъ-Эббингъ, „психическою угнетенностью.“

(Засѣданіе кончилось въ 2 часа ночи и возобновилось на другой день въ 11½ часовъ утра).

Врачъ Строгановъ на вопросы сторонъ высказалъ, что онъ на основаніи освидѣтельствованія подсудимаго и свидѣтельскихъ показаній пришелъ къ тому заключенію, что Высотскій страдалъ увеличеніемъ сердца въ объемѣ, органическимъ его порокомъ. Что у него было душевное разстройство, что́ онъ выводитъ изъ показаній тоже свидѣтелей, задолго еще до убійства своей жены и полагаетъ, что Высотскій совершилъ убійство въ моментъ психическаго аффекта. Что аффектъ боль психическая, тоже что обыкновенная боль въ отношеніи нервовъ. Онъ можетъ зависѣть и отъ другихъ болѣзней, но чаще всего проявляется отъ болѣзни сердца, которая вообще не можетъ остаться безъ послѣдствій. Что аффектъ бываетъ двухъ родовъ: возбуждающій и угнетенный. Первый изъ нихъ выражается повышеніемъ нервной раздражительности; второй—параличемъ. У Высотскаго же былъ аффектъ возбуждающій, но сколько ихъ было и когда—онъ, экспертъ, сказать не можетъ. Послѣдній же аффектъ былъ, вѣроятно, продолжителенъ, но сколько времени онъ продолжался, за отсутствіемъ данныхъ, сказать не можетъ. По его мнѣнію организмъ Высотскаго былъ очень удобною почвою, на которой аффектъ могъ проявиться каждую минуту. Что въ эту минуту, когда Высотскій говорилъ со становымъ или отдавалъ женѣ вещи, сознавалъ ли все это—онъ, эк-

спертъ, за отсутствіемъ данныхъ, опредѣлить нельзя. Но что подъ вліяніемъ аффекта субъектъ можетъ связно говорить и писать, хотя полнаго сознанія въ это время можетъ и не быть, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Что аффектъ можетъ парализовать волю, а вспыльчивость и раздражительность не всегда могутъ это сдѣлать. Если же человѣкъ боленъ душевно, то аффектъ всегда произведетъ параличованіе воли, точно также, какъ и въ настоящемъ дѣлѣ воля подсудимаго была парализована. Что хотя въ написаніи росписки и видно сознаніе, но нельзя одно это дѣйствіе подсудимаго разрывать съ остальными его дѣйствіями и кромѣ того нужно замѣтить, что душевно-больные пишутъ иногда цѣлые трактаты очень логично. Что хотя и бываютъ притворные больные, будто бы психическою болѣзнью, но при діагностическихъ средствахъ этотъ обманъ можетъ быть очень скоро открытъ. Насчетъ найденныхъ у подсудимаго на головѣ рубцевъ, экспертъ заявилъ, что въ актѣ осмотра они сказали, что только „*въ настоящее время*“ рубцы эти не имѣютъ значенія. Въ заключеніе экспертъ высказалъ, что у Высотскаго была *психическая угнетенность* (melancholia sine delirio).

Врачъ Севрюгъ. „Прежде всего я долженъ доложить суду, что медицинскія аналитическія данныя необходимыя для опредѣленія какъ соматическаго, такъ и душевнаго состоянія подсудимаго мнѣ мало или вовсе неизвѣстны, такъ что при моихъ выводахъ я долженъ ограничиться тѣмъ, что слышалъ вчера на судѣ о подсудимомъ отъ свидѣтелей и изъ его освидѣтельствованія, произведеннаго 11 января Коммиссіею, въ которой вмѣстѣ съ другими врачами участвовалъ и я, актъ котораго былъ прочитанъ вчера на судѣ. Въ этомъ актѣ выражено почти мое мнѣніе о состояніи подсудимаго. Я не вдаваясь въ „психологію“ и шаткіе ея выводы, долженъ ограничиться замѣченными мною болѣзненными явленіями у подсудимаго и на нихъ построить заключеніе о его состояніи. Итакъ, начиная съ головы и того, что говорилъ подсудимый на судѣ можно заключить, что функція мозга его нормальна, рѣчь его послѣдовательна, свободна, логична сверхъ ожиданія и доказываетъ, что умственная его сфера въ совершенно нормальномъ состояніи и не подвергнута уклоненіямъ. Относительно груди при освидѣтельствованіи оказалось, что кромѣ довольно слабой груди вообще сердце его не въ нормальномъ состояніи, а именно при изслѣдованіи этого органа обозначается нѣсколько увеличенный объемъ его, сопровождающійся ускореннымъ сердцебіеніемъ, учащеннымъ пульсомъ (120 ударовъ въ минуту), явленія, которыя при душевномъ аффектѣ, вѣроятно, усиливаются. Субъективное же, возможное при этихъ явленіяхъ есть только боль подъ ложечкою. Притомъ я

долженъ затѣтить, что опасныхъ органическихъ измѣненій въ клапанахъ, по моему мнѣнію, у него нѣтъ. При такомъ состояніи организма и при сильномъ, угнетающемъ душевномъ аффектѣ, проявляющаяся у него значительная раздражительность очень возможна и можетъ быть болѣе, чѣмъ у человѣка здороваго, но допустить, чтобы онъ дѣйствовалъ безъ сознанія—не могу. Полагаю между прочимъ, что организмъ Высотскаго скорѣе склоненъ къ активному дѣйствію." Далѣе экспертъ высказалъ, что если дѣйствія Высотскаго были логичны, то онъ не признаетъ, чтобы Высотскій дѣйствовалъ въ безсознательномъ состояніи, хотя и признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что сумасшедшій можетъ иногда дѣйствовать логично. Что психическая болѣзнь по мнѣнію его, эксперта, не есть еще сумасшествіе. Что наука психіатрія недавно только разработана и вѣрные отвѣты о состояніи душевно-больныхъ можетъ дать только спеціалистъ, онъ же, экспертъ, не психіатръ, а состоитъ помощникомъ инспектора врачебной управы.

Врачъ Дашкевичъ показалъ: чтобы дать въ данномъ случаѣ положительное сколько—нибудь мнѣніе, нужно произвести изслѣдованіе подсудимаго субъективное, онъ же, экспертъ, произвелъ только объективное, а потому и не можетъ дать положительнаго заключенія—въ какомъ состояніи находился подсудимый во время совершенія преступленія. Что кромѣ того нужно прослѣдить предшествующую жизнь больнаго, не былъ ли кто изъ его близкихъ родныхъ подверженъ той же болѣзни и пр. Теперь же можно только сказать, что у одного субъекта болѣзнь сердца можетъ имѣть вліяніе на духовную сторону, у другаго же вліянія этого не бываетъ. Затѣмъ экспертъ пришелъ къ тому заключенію, что подсудимый дѣйствовалъ въ сильно возбужденномъ состояніи, которое однако не привело его до потери воли. На судѣ подсудимаго вся обстановка должна была привести въ возбужденное состояніе, но однако этого незамѣтно и если онъ не находится въ такомъ состояніи, то стало быть не было причинъ, которыя бы на него такъ подѣйствовали. Прежде же могла вліять невѣрность жены, несчастная любовь и пр. Бываетъ иногда, что въ высшей степени сумасшедшіе совершаютъ преступленія очень послѣдовательно, иногда даже объявляютъ о совершеніи преступленія и отдаются въ руки правосудія и совершеніе преступленія нерѣдко освобождаетъ ихъ отъ прежняго сумасшествія, т.-е. совершеніе преступленія бываетъ какъ бы кризисомъ ихъ болѣзни. И настоящій случай съ подсудимымъ по мнѣнію его, эксперта, совершенно подходитъ подъ это. Что же касается до рубцевъ, найденныхъ на головѣ подсудимаго, то нужно знать: сопровождалось ли паденіе сотрясеніемъ

мозга или только произошли они отъ поверхностной раны, чтобы сказать о нихъ какое-либо мнѣніе. Ибо иногда самое незначительное паденіе, не оставляющее никакого рубца, но произведшее сотрясеніе мозга можетъ имѣть вліяніе на умственное состояніе субъекта даже черезъ 10 лѣтъ. Наружный же осмотръ еще ничего не значитъ, потому что можетъ страдать внутренняя оболочка мозга, могутъ быть наконецъ наросты, выпотѣнія и т. д.

Старшій ординаторъ Преображенской больницы въ Москвѣ, г. *Бэккеръ* далъ слѣдующую экспертизу: призванный дать свое мнѣніе относительно душевнаго состоянія здоровья подсудимаго во время совершенія имъ преступленія, чтобы не казаться двусмысленнымъ, я долженъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки и пояснить тѣ доводы, на которыхъ можетъ опираться заключеніе. Душевныя болѣзни составляютъ почти всегда признакъ, слѣдствіе, такъ-называемый припадокъ другихъ болѣзней; вѣдь душа по нашимъ понятіямъ неизмѣнна и безсмертна, а слѣдовательно ни заболѣвать, ни умирать не можетъ, т.-е. измѣненія въ проявленіи душевной дѣятельности тѣсно связаны съ разстройствами тѣла и головнаго мозга въ особенности. Отсюда понятно, почему болѣзни тѣлесныя пріобрѣтаютъ такое важное значеніе при разсматриваніи такъ-называемыхъ разстройствъ душевной жизни.

Изъ данныхъ, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи, изъ показаній свидѣтелей и моего собственнаго обслѣдованія подсудимаго видно, что онъ страдаетъ порокомъ сердца, непріятными ощущеніями въ подложечной области, имѣлъ неоднократныя головокруженія и отличался крайней нервной раздражительностью при слабомъ тѣлосложеніи и неоднократныхъ паденіяхъ на голову.

Связь между разстройствомъ дѣятельности сердца и проявленіемъ душевной жизни не должна казаться странной, если хоть принять во вниманіе издавна приписываемое сердцу свойство общаго чувствилища, въ особенности состояній съ характеромъ болѣзненности, что̀ весьма часто и дѣлается въ обыкновенномъ разговорѣ. На многихъ языкахъ названіе сердца и боли поразительно сходны между собою и если языкъ считать не случайнымъ изобрѣтеніемъ, то совпаденіе должно имѣть нѣкоторый смыслъ. И дѣйствительно—связь между сердцемъ и мозгомъ, какъ органомъ душевной жизни, существуетъ самая тѣсная, на что̀ въ послѣднее время обратили вниманіе такіе ученые, какъ Льюисъ, Клодъ Бернаръ и др. Замѣчено, что болѣзни сердца нерѣдко встрѣчаются у страдающихъ мрачнымъ умопомѣшательствомъ и самоубійцъ, погибающихъ тоже, вѣроятно, не въ веселомъ настроеніи духа. Нервная раздражительность или свойство переходить въ дѣятельное состояніе отъ сравнительно ничтожныхъ причинъ

можетъ обнаруживаться въ сферѣ душевной жизни вслѣдствіе ненормальнаго состоянія завѣдующихъ его центровъ и вліять на характеръ и поступки человѣка. Головокруженіе и обморочныя состоянія имѣютъ также весьма важное значеніе какъ въ нервныхъ, такъ и въ душевныхъ болѣзняхъ. На такой-то болѣзненной почвѣ являлись приступы раздраженія, припадки томительнаго отчаянія съ предсердной тоской, измѣненіемъ характера, мрачнымъ настроеніемъ, отвращеніемъ къ жизни и мыслями о самоубійствѣ (что показываютъ единогласно свидѣтели и такъ немногословно описываетъ подсудимый), которыя могли только усилиться подъ вліяніемъ угнетающихъ страстей и тѣхъ условій, въ которыя былъ поставленъ подсудимый предъ совершеніемъ преступленія и вызвать послѣднее, какъ окончательное печальное проявленіе больной жизни его. Такое болѣзненное состояніе, извѣстное подъ именемъ угнетенія душевной дѣятельности съ приступами тоски, встрѣчаетъ не противорѣчія, а подтвержденія какъ въ формальной сторонѣ преступленія и послѣдующемъ поведеніи подсудимаго, такъ и въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, что́ и заставляетъ признать, что подсудимый въ то время находился въ такомъ болѣзненномъ состояніи.

Защитникъ Кичеевъ. Въ концѣ концовъ признаете ли вы, что подсудимый совершилъ убійство въ томъ состояніи, которое на языкѣ юристовъ называется сумасшествіемъ, безумствомъ, однимъ словомъ—въ припадкѣ болѣзни?

Г. Беккеръ. Я уже высказалъ это.

Г. Кичеевъ. Можетъ ли человѣкъ, душевно разстроенный, говорить логично?

Г. Беккеръ. Можетъ.

Г. Кичеевъ. Можетъ и написать что нибудь?

Г. Беккеръ. Можетъ.

Г. Кичеевъ. Въ вашей практикѣ были случаи, что такой больной писалъ даже очень много?

Г. Беккеръ. Были.

Г. Кичеевъ. И было написано такъ, что нельзя узнать, что это писалъ человѣкъ разстроенный?

Г. Беккеръ. Бываетъ и такъ. Иногда же больные пишутъ съ пропусками буквъ и словъ, съ замѣной однихъ другими, а иногда и вовсе писать не могутъ.

Г. Кичеевъ. Можетъ ли учитель чистописанія, по предъявленной ему бумагѣ, опредѣлить то состояніе духа, въ которомъ находился человѣкъ, писавшій эту бумагу?

Г. Беккеръ. Мнѣ кажется, что это невозможно.

Защитникъ Шуфъ. Какъ вы слышали, подсудимый показалъ что предъ тѣмъ моментомъ, когда онъ отправился къ своей же-

нѣ съ вещами, то имѣлъ намѣреніе лишить себя жизни, если вы припомните показанія свидѣтелей, то онъ и прежде высказывалъ такое желаніе, — не считаете ли вы это признакомъ болѣзненнаго состоянія?

Г. Беккеръ. Безъ всякаго сомнѣнія, если это только положительно доказано.

Г. Шуфъ. Свидѣтельница Доброродова, напримѣръ, показала, что онъ разъ у ней былъ въ такомъ состояніи, что она думала, что онъ съ ума сошелъ, показаніе Лызлова, что онъ ходилъ ночью по комнатѣ помраченный и въ сильномъ волненіи и высказывалъ ему намѣреніе лишить себя жизни—поэтому можно ли считать и его показаніе и желаніе убить себя справедливымъ?

Г. Беккеръ. Я думаю.

Товарищъ прокурора. Давно продолжается ваша практика?

Г. Беккеръ. Пятый годъ.

Товарищъ прокурора. Какой порядокъ существуетъ относительно пріема въ домъ умалишенныхъ? Если придетъ, напримѣръ, человѣкъ и скажетъ вамъ, что онъ сумасшедшій — вы его примете?

Г. Беккеръ. Съ большимъ удовольствіемъ, — если только родственники заявятъ желаніе помѣстить его.

Товарищъ прокурора. Потомъ черезъ сколько времени вы опредѣляете, что онъ лишенный ума?

Г. Беккеръ. Въ продолженіе каждаго мѣсяца, что́ зависитъ отъ губернскаго присутствія.

Товарищъ прокурора. Еслибы напримѣръ Высотскій сказалъ, что онъ помѣшанъ, скоро ли вы могли опредѣлить его?

Г. Беккеръ. Иногда для этого достаточно нѣсколькихъ минутъ, иногда же долгое время.

Товарищъ прокурора. Ваша практика можетъ отвѣтить на то, что если человѣкъ приходитъ и заявляетъ о своемъ умопомѣшательствѣ, то это бываетъ притворство, какъ думаетъ психіатръ Гризингеръ?

Г. Беккеръ. Не всегда такъ, часто же они оказываются дѣйствительно больными.

Товарищъ прокурора. На вопросъ—вы высказали, что Высотскій былъ въ болѣзненномъ состояніи, но вѣдь болѣзненное состояніе можетъ быть различно?

Г. Беккеръ. Я сказалъ уже и могъ бы сказать многое, но было ли бы то справедливо, такъ какъ и наука не признаетъ строгаго разграниченія?

Товарищъ прокурора. Теперь Высотскаго вы признаете помѣшаннымъ?

Г. Беккеръ. Не могу сказать положительно, потому что видѣлъ его только здѣсь на судѣ.

Товарищъ прокурора. Какое же ваше мнѣніе о немъ?

Г. Беккеръ. Я признаю, что онъ во время совершенія преступленія былъ душевно разстроенъ.

Предсѣдатель. Вы сказали, что человѣкъ можетъ быть душевно-боленъ, если даже сердце у него находится въ нормальномъ состояніи?

Г. Беккеръ. Я хотѣлъ сказать, что это даже часто бываетъ.

Предсѣдатель. Можетъ ли человѣкъ во время приступа сердцебіенія лишиться сознанія?

Г. Беккеръ. Не знаю навѣрное, но думаю, что можетъ.

Предсѣдатель. Или въ это время у него является чувство тоски и онъ рѣшается на какое-нибудь дѣйствіе?

Г. Беккеръ. Не знаю.

Предсѣдатель. Вы еще говорили, кажется, что наука монаній не признаетъ?

Г. Беккеръ. Нѣтъ.

Предсѣдатель. Но вѣдь прежде признавала?

Г. Беккеръ. Признавала для удобства юристовъ.

Предсѣдатель. Что наука ваша, достигла такого развитія, что не остается ничего желать, или она находится на такой степени, что не можетъ дать положительныхъ выводовъ?

Г. Беккеръ. Пока она будетъ въ рукахъ людей—желать всегда останется многаго. Теперь же она въ такомъ состояніи, что позволяетъ дѣлать положительные выводы.

Послѣ экспертизы врачей прочитана была росписка, написанная Высотскимъ, для подписи его жены; въ ней говорилось, что „я нижеподписавшаяся дала сію росписку въ томъ, что вещи отъ него (отъ кого—не сказано) получила и пр. Подписи подъ распиской, какъ сказано было выше, не было.

Затѣмъ приглашены были по-одиночкѣ учителя чистописанія, вызванные обвинительною властію, для опредѣленія, по почерку росписки, въ какомъ настроеніи духа писалъ ее подсудимый, т.-е. въ спокойномъ или взволнованномъ.

Первымъ приглашенъ былъ учитель чистописанія г. *Ѳедотовъ*, который заявилъ на предложенный ему вопросъ товарищемъ прокурора, что, сличая два письма одного лица, можно замѣтить по разницѣ письма то настроеніе духа, при которыхъ они писаны.

Защитникъ Шуфъ. Скажите пожалуйста, что чистописаніе: наука или искусство?

Г. Ѳедотовъ. Искусство.

Г. Шуфъ. Скажите, что росписка эта писана въ тревожномъ состояніи или обыкновеннымъ почеркомъ писавшаго?

Г. Ѳедотовъ. Писана ближе къ обыкновенному.

Г. Шуфъ. Почему это вы опредѣляете?

Г. Ѳедотовъ. Да потому, что это написано, какъ обыкновенно всѣ дѣвицы или дамы пишутъ.

Г. Шуфъ. Такъ стало быть это по вашему дѣвица писала?

Г. Ѳедотовъ. Нѣтъ-съ, это писала дама. (громкій смѣхъ въ публикѣ).

Г. Шуфъ. Я удовлетворенъ этой экспертизой.

Учитель чистописанія г. *Филоновъ* высказалъ мнѣніе, что отличить мужской почеркъ отъ женскаго довольно трудно, что внѣшней связи въ буквахъ не можетъ быть у человѣка, писавшаго въ неспокойномъ состояніи, что предъявленная ему росписка скорѣе подходитъ къ мужскому почерку, чѣмъ къ женскому, но опредѣлить трудно въ какомъ состояніи духа она писана.

Прочтено было объявленіе г-жи Высотской, поданное ею въ полицію, гдѣ говорилось, что 3-го сентября мужъ ея пришелъ безъ нея къ ней въ квартиру и требовалъ у прислуги ключъ отъ сундука, но когда та сказала, что ключъ у нея, Высотской, то мужъ чѣмъ-то отомкнулъ сундукъ и вынулъ вещи, между которыми были: три нитки кораловъ, крестикъ изъ топаза, серьги золотыя съ бирюзой, золотая цѣпочка, двѣ брошки, одна была съ большимъ изумруднымъ камнемъ, другая съ мелкимъ яхонтомъ, три рубашки, одѣяло, матрацъ, но болѣе что было — припомнить не можетъ.

Затѣмъ приступлено было къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ прокурора г. Товарковъ въ рѣчи своей высказалъ между прочимъ, что онъ желаетъ обратить вниманіе на три личности въ этомъ дѣлѣ: на Высотскаго, жену его и Щировскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, что̀ соединяло эти три личности. Затѣмъ коснулся того, почему же Высотскій пренебрегъ мнѣніемъ общества, женившись на содержанкѣ Щировскаго, а не предложилъ ей вступить въ бракъ 6 лѣтъ тому назадъ, когда въ первый разъ они встрѣтились, что̀ по мнѣнію его, обвинителя, остается тайной. Онъ указалъ затѣмъ присяжнымъ, что вѣроятной причиной этого было то, что Высотскій имѣлъ уже женщину и отъ нея двухъ дѣтей, о чемъ подсудимый на судѣ не пожелалъ даже дать отвѣта. Что по его, обвинителя, мнѣнію лучше было бы, конечно, жениться на этой женщинѣ, которую онъ не долженъ былъ оставлять и вѣроятно присяжные рѣшатъ, какъ долженъ бы былъ поступить Высотскій. Напомнилъ обвинитель гг. присяжнымъ тѣ грязныя сцены, которыя разыгрывались въ квартирѣ Щировскаго и тѣ циническіе разсказы о Высот-

ской, разсказанные друзьями Высотскаго и по его волѣ. Замѣтилъ, что также еслибы подсудимый любилъ свою жену, то постарался бы отклонить подобные разсказы, но онъ этого не сдѣлалъ. Обратившись къ жизни Высотскихъ, обвинитель напомнилъ, что Высотская высказывала свидѣтельницѣ Эсмонтовой, что она ненавидитъ Щировскаго и любитъ Высотскаго, а иначе какая же была ея цѣль выходить замужъ за человѣка, получающаго 10 р. въ мѣсяцъ жалованья, и если видно изъ послѣдующей ея жизни, что она была капризна, то это еще не составляетъ такого обстоятельства, чтобы ее стоило клеймить и кидать въ нее грязью— и изъ показаній свидѣтелей, что Высотская ѣздила съ какимъ-то офицеромъ несправедливо было бы составлять о ней опредѣленнаго понятія. Затѣмъ обвинитель указалъ на то, что Высотская до свадьбы имѣла лучшую обстановку, что̀ доказывается ее вещами; на то, что Высотскій вещи эти тайно у нея взялъ и перейдя къ факту убійства, подробно разсказалъ какъ приходъ Высотскаго къ женѣ наканунѣ убійства, такъ и самое совершеніе его. Обвинитель указалъ на то, что если и дѣлалось съ Высотскимъ послѣ убійства въ лавочкѣ дурно, то послѣ совершенія преступленія это, конечно, очень естественно, но что ни изъ чего не видно, чтобы подсудимый во время совершенія преступленія былъ въ ненормальномъ состояніи. Напротивъ, взятіе имъ револьвера, написанная имъ росписка и показанія врачей-экспертовъ доказываютъ, что онъ находился въ совершенно нормальномъ состояніи. Обвинитель указалъ на то, что Высотскій нанося побои сотскимъ, никогда не наносилъ ихъ своей женѣ, изъ чего можно заключить, что онъ въ извѣстныхъ случаяхъ умѣлъ сдерживаться и непреодолимаго влеченія къ извѣстнымъ дѣйствіямъ стало быть у него не было. Кромѣ того обвинитель указалъ на то, что истинно душевно-больные никогда не замѣчаютъ своей болѣзни и не только не вѣрятъ другимъ, но сердятся даже, если имъ говорятъ объ этомъ. Въ заключеніе онъ высказалъ надежду, что присяжные своимъ приговоромъ не позволятъ такъ самоуправно обращаться съ женами.

Защитникъ, кандидатъ правъ Шуфъ. Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Несомнѣнно, что самая важная часть уголовнаго процесса, это — судебное слѣдствіе, ибо оно раскрываетъ намъ сущность дѣла, всѣ обстоятельства и условія, среди которыхъ совершилось преступное дѣяніе. Разсказъ Высотскаго, показанія свидѣтелей, мнѣнія экспертовъ — все это живо и наглядно рисуетъ намъ картину настоящаго, чисто романическаго по своему характеру, дѣла. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней съ поразительнымъ вниманіемъ не только слѣдили вы, гг. присяжные, за ходомъ судебнаго слѣдствія, но и принимали въ немъ

дѣятельное участіе—вы предлагали рядъ серьезныхъ вопросовъ черезъ старшину своего почти всѣмъ свидѣтелямъ. Я съ своей стороны въ теченіе судебнаго слѣдствія тоже старался разспросами свидѣтелей и экспертовъ-врачей раскрыть передъ вами всѣ стороны этого дѣла. Въ настоящую минуту остается только сгруппировать данныя, добытыя судебнымъ слѣдствіемъ и освѣтить ихъ мыслію. Какая же главная мысль добыта и выяснена слѣдствіемъ? Я буду имѣть честь развивать и доказывать, что мысль эта заключается въ слѣдующемъ: подсудимый убилъ свою жену, но безъ намѣренія, безъ цѣли, а случайно; онъ имѣлъ намѣреніе убить самого себя вслѣдствіе того, что жена своимъ поведеніемъ оскорбила его пламенную любовь къ ней, оскорбила самое священное и дорогое для него чувство — чувство чести; поведеніе жены пагубно повліяло на его здоровье и способствовало тому, что душевная болѣзнь, которою страдалъ Высотскій и прежде, достигла высшей степени своего развитія, на которой душевная эта болѣзнь называется психіатрами *raptus melancholicus*. Въ припадкѣ-то этой болѣзни Высотскій и совершилъ убійство, слѣдовательно причиною преступнаго дѣянія была болѣзнь Высотскаго, а потому дѣяніе это и не можетъ быть вмѣнено ему въ преступленіе.

Г. товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи обѣщалъ познакомить васъ, гг. присяжные, съ личностью Высотскаго, но не сдержалъ слова и только ограничился тѣмъ, что слегка побранилъ Высотскаго. Поэтому я постараюсь исполнить то, что обѣщалъ вамъ г. товарищъ прокурора. Я буду кратокъ, впрочемъ не потому, чтобы біографія Высотскаго не представляла живаго интереса, но потому, чтобы никто не имѣлъ права упрекнуть меня въ голословности. Жизнь Высотскаго представляетъ намъ два главныхъ явленія: съ одной стороны— это развитіе его болѣзни, а съ другой — повѣсть о его страданіяхъ, ибо этотъ человѣкъ, прошедшій школу бѣдствій, испилъ до дна чашу страданій, прежде чѣмъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Высотскій, сынъ священника села Костырей, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Родился онъ ребенкомъ хилымъ, больнымъ, а потому сдѣлался предметомъ особыхъ заботъ и попеченій своей матери. Онъ былъ для матери не бременемъ, а предметомъ особыхъ заботъ и ласки. Отсюда развилось въ Высотскомъ чувство нравственной деликатности,—чувство столь рѣдко встрѣчаемое въ людяхъ и дѣлающее тѣхъ, кто имъ обладаетъ, столь симпатичными. Отсюда развилось въ немъ и уваженіе къ женщинѣ и безпредѣльная вѣра въ нее и потребность любви сильной и страстной. Въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ случилось съ Высотскимъ несчастіе: однажды онъ упалъ съ лошади, уда-

рился головою и ударъ этотъ не могъ не произвести гибельнаго вліянія на его душевное здоровье—отъ удара произошло сотрясеніе мозга. Въ актѣ медицинскаго осмотра отъ 11-го января 1871 года, который былъ прочитанъ здѣсь на судѣ, сказано: „на покровахъ головы видѣнъ рубецъ давняго происхожденія, образовавшійся вслѣдствіе потери кожи во всю ея толщу“ и т. д. Эксперты—врачи гг. Строгановъ и Севрюгъ, во время судебнаго слѣдствія, на мои вопросы отвѣчали, что этотъ случай могъ имѣть вредное вліяніе на здоровье подсудимаго. Между тѣмъ пришло время оставить родную семью,—Высотскій поступилъ въ школу. Онъ воспитывался сперва въ рославльскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ смоленской семинаріи. Тогдашняя школа гибельно подѣйствовала на здоровье этого мальчика. Школа того времени представляетъ намъ темное царство,—царство мрака, куда еще не проникалъ лучъ свѣта. Педагоги того времени дѣйствовали въ духѣ „Домостроя“, который говоритъ: не ослабляй, біяй младенца, но сокрушай ему ребра, и, поступивъ въ школу, Высотскій слышалъ въ ея стѣнахъ только вопли и стоны своихъ несчастныхъ товарищей. Безотрадное, угнетающее вліяніе имѣла эта школа на его характеръ, но и въ этомъ мірѣ скорби и печали онъ жилъ однако не безъ утѣшенія и радости. Когда однажды изъ семинаріи пріѣхалъ онъ лѣтомъ въ родное село, на вакацію, онъ встрѣтилъ здѣсь Антонину. На юнаго семинариста произвела эта дѣвушка сильное впечатлѣніе — она была въ это время молода и хороша собой. Юноша былъ ею очарованъ, она сдѣлалась предметомъ его любви,—первой любви, сильной и глубокой; она сдѣлалась предметомъ его мечты, его идеаломъ. Находясь еще въ юношескомъ возрастѣ, переживая этотъ періодъ мечтательности, идеализма, Высотскій любилъ Антонину идеальную, а не дѣйствительную. Съ этого времени началось ихъ знакомство. Между тѣмъ, по выходѣ изъ семинаріи, Высотскій поступилъ на службу въ губернское правленіе и вскорѣ сдѣлался помощникомъ станового пристава г. Лебедева. Здѣсь, на судѣ г. Лебедевъ заявилъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ совмѣстной службы, онъ успѣлъ близко узнать Высотскаго и не можетъ не отдать полной справедливости его уму, трудолюбію и честности. Но въ то же самое время здоровье его становилось все хуже и хуже, по словамъ г. Лебедева. Всѣ свидѣтели (Лызловъ, Игнатьевъ, Доброродова и др.) утверждаютъ тоже самое. Экспертъ, врачъ Русановъ показалъ, что лѣчилъ Высотскаго около года и что Высотскій жаловался на сердцебіеніе и головокруженіе. Припомните разсказъ Русанова о томъ обморокѣ съ Высотскимъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, продолжавшагося съ полчаса, такъ что г. Русановъ опасался даже за жизнь Вы-

сотскаго. Высотскій страдалъ разстройствомъ всей нервной системы и чувствовалъ сильную боль подъ ложечкою; въ это же время нѣкоторые свидѣтели замѣчали, что Высотскій часто бывалъ грустенъ, что на него находила тоска, апатія, что онъ не спалъ иногда цѣлыя ночи, ходилъ по комнатѣ и плакалъ, тоскуя о чемъ-то неизвѣстномъ (показаніе свидѣтеля Лызлова). Что же это за болѣзнь? Врачъ Русановъ на мой вопросъ отвѣтилъ: „это душевная болѣзнь". Можно ли, спросилъ я, назвать эту болѣзнь, какъ называетъ подобную болѣзнь Крафтъ-Эббингъ, на основаніи вышеназванныхъ признаковъ изъ міра нравственнаго и физическаго, *психическою угнетенностію* (melancholia sine delirio)? Да, можно, отвѣтилъ экспертъ. Тоже подтвердили и другіе эксперты, гг. Строгановъ и Беккеръ. Итакъ, Высотскій въ этотъ періодъ своей жизни былъ уже душевно боленъ и болѣзнь эта можетъ быть названа *психическою угнетенностью*. Что же въ это время дѣлала Антонина Викентьевна? Она шла по пути порока и разврата. Она является здѣсь передъ нами подъ классическимъ названіемъ содержанки г. Щировскаго. Впрочемъ, я не стану представлять вамъ ея характеристики, слѣдуя старой латинской поговоркѣ: о мертвыхъ говорятъ или хорошо, или ничего. Но я прошу васъ припомнить показанія многихъ свидѣтелей объ Антонинѣ Викентьевнѣ и особенно обратить вниманіе на циническій разсказъ о ней г. Орлова, разсказы Добродородовой, Покровскаго и др. и тогда образъ Антонины Викентьевны ясно предстанетъ передъ вашимъ воображеніемъ. Въ концѣ іюля 1868 года Высотскій женится на ней. Женится тайно отъ друзей и знакомыхъ своихъ,—женится, хотя и знаетъ объ ея поведеніи! Какъ же объяснить этотъ бракъ? По показанію свидѣтеля Орлова, Высотскій за нѣсколько дней до женитьбы говорилъ ему: „я люблю Антонину, вѣрю, что она пала вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, я вырву ее изъ этого омута и возведу ее, употребляя слова поэта, въ перлы созданія". Такъ думалъ несчастный молодой человѣкъ, незнакомый еще съ практическою жизнью, такъ ошибался онъ и сдѣлался жертвою вѣры въ человѣческое достоинство. Онъ женился. Поступокъ этотъ былъ нелѣпый, но все таки искренній и честный. Антонина говорила ему, что она любитъ его искренно и страстно, что она исправится, что будетъ его достойна: она оплакивала свою горькую участь, говорила, что сдѣлалась жертвою обмана и т. п. И вѣрилъ безусловно ей этотъ влюбленный въ нее юноша! Да, это была роковая любовь! Антонину настоящую, дѣйствительную онъ не зналъ и сдѣлался жертвою обмана. Страшную картину семейной жизни Высотскихъ рисуютъ намъ показанія свидѣтелей-очевидцевъ.

На основаніи этихъ показаній мы должны придти къ убѣжденію, что покойная Антонина Викентьевна не только продолжала свою любовную связь съ г. Щировскимъ, но грѣшила и съ другими. Припомните разсказы Чеплевскаго, Покровскаго и самого подсудимаго. Что же долженъ былъ чувствовать Высотскій? Изобразить его душевное состояніе, его страданіе, его отчаяніе — я не въ состояніи. Здѣсь нуженъ художникъ, который одинъ только способенъ изобразить нравственный міръ души этого страдальца. Высотскій сознавъ, что его чести, его любви былъ нанесенъ жестокій ударъ, что онъ сдѣлался для однихъ предметомъ насмѣшки, для другихъ—предметомъ сожалѣнія. Но не любить жены онъ всетаки не могъ. Другой на мѣстѣ Высотскаго бросилъ бы эту женщину, но Высотскій сдѣлать этого былъ не въ силахъ, ибо онъ не такъ созданъ, не такимъ обладаетъ характеромъ. Между тѣмъ всѣ эти волненія и мученія трехъ-мѣсячной семейной жизни, все что онъ перестрадалъ и перечувствовалъ, за это время, разрушительно подѣйствовало на его и безъ того уже, какъ мы видѣли, разстроенное здоровье. Мы видѣли, что Высотскій былъ и прежде душевно боленъ, теперь же болѣзнь его достигла крайняго своего развитія, той степени, на которой Крафтъ-Эббингъ называетъ эту болѣзнь *raptus melancholicus*. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ и посмотримъ, что говорятъ объ этомъ свидѣтели и эксперты. Дня за 4 до преступленія видѣла Высотскаго Доброродова, когда онъ пріѣхалъ къ ней въ деревню по дѣламъ службы. Онъ такъ поразилъ ее, по ея словамъ, своимъ видомъ и поведеніемъ, что она подумала, что не сошелъ ли онъ съ ума, она до того была испугана, что позвала даже прислугу, быть на-сторожѣ на всякій случай. Высотскій, молча, ходитъ по комнатамъ ея дома, мрачный, блѣдный; пріѣхалъ онъ за дѣломъ, но ничего не могъ ни дѣлать, ни писать. Когда она съ участіемъ обратилась къ нему, спрашивала, что съ нимъ такое, онъ отвѣчалъ ей, что думаетъ лишить себя жизни. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ развитія болѣзни явилась у него мысль о самоубійствѣ. Тоже самое подтвердили и другіе свидѣтели, которые въ одинъ голосъ показали, что въ эти три мѣсяца женитьбы Высотскаго узнать было нельзя. Прежде трудолюбивый, онъ сталъ тутъ апатиченъ, прежде общительный—теперь онъ ищетъ уединенія, нѣкогда веселый—теперь постоянно грустный и мрачный. Лызловъ показываетъ, что Высотскій сталъ часто проводить безъ сна цѣлыя ночи, часто плакалъ безъ причины, билъ посуду, напишетъ бумагу и изорветъ ее, сядетъ заниматься, затѣмъ броситъ дѣло и сидитъ задумчиво очень долго. Въ то же самое время физическій организмъ его становился все слабѣе и слабѣе, сердцебіеніе,

головокруженіе, разстройство нервовъ и боль подъ ложечкой усиливались и становились мучительными.

Обратимся теперь къ показаніямъ экспертовъ-врачей. Врачи-психіатры употребляютъ такой методъ для опредѣленія душевныхъ болѣзней, они изслѣдуютъ сначала физическій организмъ больнаго и наблюдаютъ его отклоненія отъ нормы, замѣчаютъ признаки болѣзни и вмѣстѣ съ тѣмъ они наблюдаютъ явленія нравственной его жизни. Сумма всѣхъ этихъ признаковъ болѣзни даетъ имъ основаніе придти къ извѣстному заключенію. Было спрошено пять экспертовъ и изъ нихъ г. Дашкевичъ заявилъ, что онъ не можетъ дать никакого заключенія, ибо по его мнѣнію для этого нужно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени наблюдать больнаго, а онъ Высотскаго видитъ въ первый разъ только. Затѣмъ, г. Севрюгъ сознался публично, что онъ не психіатръ, что никогда не занимался этою отраслью медицины, а потому его мнѣніе о болѣзни Высотскаго не можетъ имѣть никакого значенія. Остальные три врача — гг. Русановъ, Строгановъ и Беккеръ положительно говорятъ, что Высотскій—душевно-больной. Изъ нихъ г. Русановъ согласился съ тѣмъ, что душевную болѣзнь Высотскаго можно назвать *психическою угнетенностью*; Строгановъ—что ее можно назвать *raptus melancholicus*, а ученый психіатръ г. Беккеръ объявилъ, что психіатрія отвергаетъ всякія названія душевныхъ болѣзней и просто-напросто сказалъ, что Высотскій душевно-больной, что по-этому при совершеніи преступленія онъ не имѣлъ „свободной самопзвольности". На основаніи этихъ мнѣній экспертовъ-врачей, я и полагаю, что болѣзнь Высотскаго фактъ вполнѣ доказанный, а потому, думаю, что нельзя вмѣнить ему въ преступленіе, совершенное имъ дѣяніе.

Затѣмъ я продолжаю свой разсказъ и перехожу къ самому убійству Антонины Викентьевны. Разсказъ этотъ покажетъ вамъ, что Высотскій дѣйствовалъ безъ намѣренія убить ее. Прошло три мѣсяца супружеской жизни Высотскихъ и эта жизнь сложилась такъ, что Высотскій принужденъ былъ бѣжать изъ своей собственной квартиры и переѣхать въ домъ г. Лебедева, своего начальника. Во время этого отъѣзда, онъ впопыхахъ взялъ вмѣстѣ съ своими вещами нѣкоторыя изъ вещей своей жены. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого переѣзда въ квартиру Лебедева является г-жа Высотская въ 10½ часовъ вечера. Припомните здѣсь разсказъ объ этомъ г. Игнатьева, разсказъ исполненный юмора и справедливаго негодованія. Какъ разъяренная гіена, говорилъ г. Игнатьевъ, бросилась Высотская къ вещамъ и осыпала мужа укоризнами и бранью, какъ смѣлъ онъ захватить ея вещи. Высотскій отвѣчалъ на это: „бери все, что тебѣ

надо.“ Антонина Викентьевна рылась въ узлахъ, брала все, что хотѣла безпрепятственно и такъ какъ было уже поздно, то наконецъ она удалилась домой. На другой день же подала объявленіе въ полицію, что будто бы ея мужъ самовольно взялъ ея вещи и просила ихъ истребовать отъ него черезъ полицію. Такой поступокъ жены не могъ глубоко не оскорбить Высотскаго, но мысль помириться съ женою, снова жить вмѣстѣ съ нею всетаки его не покидаетъ въ это время. Утромъ 9 ноября 1868 года онъ отсылаетъ часть вещей своей женѣ съ Лызловымъ и проситъ, чтобы за остальными она пришла сама. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы имѣть возможность еще разъ видѣться съ нею и переговорить въ послѣдній разъ. Что Высотскій возвратилъ своей женѣ всѣ вещи, доказано вполнѣ не только свидѣтельскими показаніями, но и вещами, которыя вы видите здѣсь, гг. присяжные, на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Здѣсь лежатъ вещи, найденныя въ квартирѣ Высотской послѣ ея смерти и видите всѣ тѣ вещи, о которыхъ упоминаетъ она въ своемъ объявленіи въ полицію. Слѣдовательно, положительно доказано, что Высотскій возвратилъ своей женѣ всѣ вещи до единой. Между тѣмъ посланный Лызловъ возвращается и объявляетъ, что Антонина Викентьевна не придетъ за вещами. Все кончено! въ отчаяніи думалъ Высотскій. Послѣдняя надежда не сбылась! Настало время покончить съ собою! Голова его закружилась, въ глазахъ стало темно. Лызловъ показываетъ, что Высотскій какъ-то безсознательно положилъ въ портфель вещи своей жены и вышелъ изъ комнаты. На этажеркѣ Высотскій замѣтилъ револьверъ Лебедева и мысль убить себя въ присутствіи жены внезапно блеснула у него въ головѣ. Онъ хватаетъ револьверъ, быстро кладетъ его въ портфель и бѣжитъ на квартиру своей жены. Разстояніе между квартирою Лебедева въ домѣ Верховскаго и квартирою Высотской въ домѣ Грековой незначительно—нужно 7—8 минутъ, чтобы перейтп этотъ путь. Высотскій бѣжитъ. Когда онъ явился къ женѣ, онъ испугалъ ее. Богданова показывала, что онъ пришелъ въ страшномъ волненіи, „съ дикимъ видомъ“ и такъ испугалъ жену, что она послала Богданову звать постороннихъ людей, ибо Иванъ Ивановичъ, по ея словамъ, сошелъ съ ума. Затѣмъ Высотскій вручаетъ женѣ всѣ ея вещи, пишетъ росписку, что она ихъ получила и предлагаетъ ей подписать ее. Когда Высотская сѣла, чтобы подписаться, Высотскій вынимаетъ револьверъ, чтобы убить себя, но въ этотъ моментъ ему бросается въ глаза венгерка Шировскаго и вотъ онъ, не помня себя, стрѣляетъ въ жену. Высотская вскакиваетъ и бѣжитъ изъ комнаты. Въ это время Богданова слышитъ второй выстрѣлъ — вѣроятно Высотскій

стрѣлялъ по себѣ, но была осѣчка. Между тѣмъ Антонина падаетъ съ крикомъ: боже мой! Этотъ крикъ заставилъ Высотскаго очнуться,—крикъ жены приводитъ его въ сознаніе! Здѣсь напомню разсказъ г-жи Эсмонтовой, которая была свидѣтельницею трогательной сцены: Высотскій бросается къ тѣлу жены, осыпаетъ ее поцѣлуями и кричитъ: „Антонина! прости меня! скорѣе доктора!“ Затѣмъ вмѣстѣ съ Эсмонтовой онъ со слезами переноситъ тѣло жены на постель и бѣжитъ къ Лебедеву, гдѣ объявляетъ, что убилъ жену. Лебедевъ показалъ, что онъ испугался, увидѣвъ Высотскаго, потому что Высотскій былъ въ страшномъ волненіи и отчаяніи и неестественнымъ голосомъ кричалъ: я убилъ жену! Высотскій сейчасъ же былъ арестованъ и привезенъ въ домъ Грековой. Здѣсь видитъ его Орловъ и этотъ свидѣтель показываетъ, что Высотскому постоянно дѣлалось дурно, что онъ падалъ безъ чувствъ, что его „спасали водой!“ На допросѣ у слѣдователя Высотскій заявилъ, что онъ давать отвѣты не можетъ, ибо находится въ болѣзненномъ состояніи, что̀ подтвердилось и освидѣтельствованіемъ Высотскаго врачемъ Тамаровымъ, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній.

Какіе же выводы, гг. присяжные, можно сдѣлать изъ всего вышеозначеннаго? Высотскій убилъ свою жену безъ умысла, случайно. Причина этого—душевная болѣзнь его, слѣдовательно ему нельзя вмѣнить въ преступленіе этого дѣянія.

Вообще объ умыслѣ, объ обдуманномъ заранѣе намѣреніи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Даже г. товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи объ этомъ не сказалъ ни слова. Онъ даже заявилъ, что Высотскій не важный преступникъ. Весь вопросъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ: признать ли Высотскаго душевно-больнымъ или нѣтъ? Но этотъ вопросъ окончательно уже рѣшенъ экспертами—врачами, судьями вполнѣ компетентными въ этомъ дѣлѣ. Если они признали его душевно-больнымъ, если они пришли къ заключенію, что онъ не имѣлъ свободной самоизвольности, то намъ ничего не остается болѣе, какъ считать его не виновнымъ въ томъ дѣяніи, которое онъ совершилъ. Не могу при этомъ не указать вамъ на знаменитую мысль, которую въ 1858 году на съѣздѣ естествоиспытателей высказалъ г. Роллеръ: ....есть помѣшанные, у которыхъ помѣшательство не такъ явно, у которыхъ его трудно распознать, хотя тѣмъ не менѣе оно у нихъ существуетъ и которыхъ однако подвергаютъ суду и наказанію.....“ По поводу наказанія такихъ преступниковъ Крафтъ-Эббингъ въ своемъ сочиненіи „Болѣзненныя настроенія души“ говоритъ слѣдующее:..... „но какъ не наказывается тотъ, кого другіе принудили къ преступному дѣйствію, такъ не можетъ быть рѣчи о наказаніи и тамъ,

гдѣ мы видимъ самое неотразимое насиліе, какое только возможно—*насиліе внутреннее*, имѣющее органическую основу....“

Итакъ, гг. присяжные, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства этого дѣла и выводы науки, я убѣжденъ, что вы не осудите душевно-больнаго. Я не прошу у васъ снисхожденія подсудимому—оно въ этомъ дѣлѣ немыслимо, я убѣжденъ, что вы вынесете оправдательный приговоръ.

Защитникъ г. Кичѣевъ. Послѣ такого подробнаго разъясненія бытовой стороны настоящаго дѣла, которое сейчасъ было сдѣлано моимъ сотоварищемъ по защитѣ, моя задача, гг. присяжные, становится чрезвычайно легкою и не сложной. Въ силу этого я не стану утомлять вашего вниманія и ограничусь только разсмотрѣніемъ результатовъ, добытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ и значенія вашей задачи съ юридической точки зрѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вамъ, быть можетъ болѣе, нежели кому-нибудь, понятно какія минуты придется переживать подсудимому въ тотъ моментъ, когда вы удалитесь въ свою совѣщательную комнату, съ предложенными вамъ вопросами о его виновности. Значеніе вашего отвѣта на этотъ роковой для подсудимаго вопросъ дѣйствительно и велико и страшно. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вамъ отвѣтить на него „нѣтъ“ и тогда вы снова возвращаете ему все, что столько времени было у него отнято: счастіе, спокойствіе, жизнь. Отвѣтите вы „да“ и тогда онъ будетъ бѣднѣе послѣдняго бѣдняка, такъ какъ съ обвиненіемъ его, вы отнимете у него даже самое дорогое для каждаго человѣка благо—это право называться честнымъ человѣкомъ. Вы, отвѣчая на вопросъ о виновности подсудимаго, отвѣчаете не на одинъ только вопросъ о томъ совершено или нѣтъ подсудимымъ то дѣло, за которое онъ предсталъ предъ вашимъ судомъ. Не для разрѣшенія только этого вопроса призываютъ васъ сюда по волѣ законодателя. Нѣтъ, задавая вамъ вопросъ, васъ спрашиваютъ какъ о томъ—совершилось ли извѣстное преступленіе, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго, но главное—должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину, т.-е. другими словами: преступникъ ли предстоящій предъ вами человѣкъ или нѣтъ.

Преступленіемъ, по закону, точно такимъ, какъ и на общечеловѣческомъ языкѣ, называютъ все то, что по понятіямъ справедливости, безнравственно, т.-е. все то, что невольно возмущаетъ нравственное чувство каждаго, кто видитъ или слышитъ содѣянное такого рода зло. Въ силу этого и преступникомъ можно назвать только того, кто завѣдомо для себя, совершаетъ такое дѣяніе, т.-е. кто, сознавая всю безнравственность подобнаго дѣянія, все-таки его совершаетъ. Это то вотъ *сознаніе*, эта то

завѣдомость и составляетъ собою *злой умыселъ*, самый существенный признакъ понятія о преступленіи. Гдѣ нѣтъ этого признака, гдѣ нѣтъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сознанія безнравственности своего поступка, тамъ не можетъ быть и рѣчи о преступленіи, такъ какъ такого рода дѣяніе становится дѣяніемъ безнравственности.

Какъ въ разрѣшеніи гражданскаго процесса на истцѣ лежитъ обязанность прежде доказать свой искъ и затѣмъ уже требовать отъ суда его удовлетворенія, такъ равно и въ процессѣ уголовномъ на представителѣ обвиненія лежитъ обязанность доказать свое обвиненіе, т.-е. доказать вопервыхъ, что извѣстное закономъ предусмотрѣнное зло совершилось, вовторыхъ, что оно совершено тѣмъ кого онъ обвиняетъ и въ третьихъ то, что оно непремѣнно должно быть вмѣнено обвиняемому въ вину. Все это обвинитель необходимо обязанъ доказать и притомъ доказать юридически-достовѣрными доказательствами. Въ противномъ случаѣ, чтобы онъ ни говорилъ, въ чемъ бы васъ ни увѣрялъ не имѣетъ и не должно имѣть въ вашихъ глазахъ никакого значенія. Что же такое называется доказательствами юридически-достовѣрными? Этимъ именемъ называются такіе доводы, которые основаны на умозаключеніяхъ не только разумныхъ, т.-е. похожихъ на правду, но и на такихъ именно умозаключеніяхъ, которыя представляютъ собою единственно-возможный выводъ изъ всего того, что вы видѣли и слышали здѣсь на судѣ. Разъ только умозаключеніямъ обвинителя, хотя бы и разумнымъ, можно противопоставить другія столько же разумныя умозаключенія защиты, одинаково съ доводами обвинителя представляющія возможный выводъ изъ дѣла и тогда въ результатѣ получается сомнѣніе, а оно и въ силу самаго закона должно быть объяснено въ пользу подсудимаго. Самая клятва, которую вы принимали здѣсь передъ началомъ засѣданія, служитъ подтвержденіемъ моего вывода. Въ силу этой клятвы на просьбы обвинителя обвинить подсудимаго, вамъ необходимо отвѣчать ему такъ: мы обвинимъ его, только докажите намъ его виновность, въ противномъ случаѣ, мы должны будемъ его оправдать, такъ какъ цѣною нашей совѣсти, передъ лицомъ всѣхъ этихъ людей, которые будутъ свидѣтелями нашего приговора, именемъ Бога мы поклялись не осуждать невиннаго.

Посмотримъ, что же добыто судебнымъ слѣдствіемъ, которое два дня происходило здѣсь передъ вами? Подсудимый убилъ свою жену—это фактъ, противъ котораго здѣсь никто не споритъ. Затѣмъ, всѣ свидѣтели въ одинъ голосъ показали, что подсудимый страдалъ еще до женитьбы и послѣ нея сердцебіеніемъ, что съ нимъ даже дѣлались обмороки, что послѣ женитьбы бо-

лѣзнь его усилилась, что послѣ совершенія имъ убійства видъ его былъ „дикій.“ На основаніи всѣхъ этихъ свидѣтельскихъ показаній врачи-эксперты пришли къ единственному убѣжденію, что преступленіе совершено подсудимымъ въ припадкѣ душевнаго разстройства, которое здѣсь назвали они *психическою угнетенностію*. Я говорю *къ единогласному убѣжденію* въ силу слѣдующихъ соображеній. Врачъ Русановъ сказалъ, что подсудимый по его мнѣнію, въ моментъ преступленія былъ боленъ тѣмъ, что называется психическою угнетенностью. Врачъ Строгановъ сказалъ въ сущности тоже самое. Врачъ Беккеръ, Ординаторъ Московскаго дома умалишенныхъ, человѣкъ спеціально занимающійся леченіемъ болѣзней такого рода, положительно сказалъ, что подсудимый совершилъ убійство подъ вліяніемъ той же психической угнетенности и что внѣ всякаго сомнѣнія, какъ въ этотъ моментъ, такъ и прежде еще этого, онъ боленъ именно тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется безумiемъ, сумасшествiемъ или припадками болѣзни доводящей до безпамятства. Инспекторъ мѣстной врачебной управы г. Дашкевичъ, какъ вы изволили слышать, гг. присяжные, говорилъ здѣсь очень долго, сказалъ обо всемъ очень многое, но въ сущности и въ концѣ концевъ какъ-то такъ ловко съумѣлъ говорить, что ровно ничего не сказалъ. Помощникъ Инспектора мѣстной врачебной управы г. Севрюгъ сказалъ, что по его мнѣнію подсудимый здоровъ. Но затѣмъ на предложенный ему мною вопросъ: чтобы имѣть понятіе о душевныхъ болѣзняхъ, нужно ли быть психіатромъ? —отвѣчалъ: непремѣнно нужно. На вопросъ же мой: психіатръ ли онъ?—отвѣчалъ: нѣтъ. Предлагаю вамъ самимъ судить о достоинствѣ такого рода мнѣнія.

Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ защита и утверждаетъ, что подсудимый совершилъ преступленіе въ припадкѣ умоизступленія. Данныя эти всѣ безъ исключенія добыты изъ того, что вы видѣли и слышали здѣсь на судѣ. Какія же данныя представлены обвинителемъ? По моему крайнему разумѣнію—ровно никакихъ. Вся рѣчь обвинителя заключалась, какъ вы, вѣроятно, помните, въ томъ, что онъ обѣщалъ воспроизвести передъ вами зачѣмъ-то три личности: подсудимаго, его жены и Щировскаго. Вмѣсто этого онъ отнесся только непріязненно къ Высотскому, расхвалилъ чуть не до небесъ его жену и затѣмъ ровно ничего не сказалъ о Щировскомъ. Послѣ этого сталъ было г. товарищъ прокурора разбирать экспертизы и ограничился вмѣсто разбора самымъ безпощаднымъ искаженіемъ ихъ. Эксперты, напримѣръ, показали, что подсудимый былъ боленъ въ моментъ совершенія имъ преступленія, а г. товарищъ прокурора увѣряетъ васъ, что они сказали, что онъ былъ здоровъ.

Можно даже подумать, что онъ просто какое-то другое дѣло слушалъ. Въ концѣ же концовъ г. товарищъ прокурора въ доказательство того, что подсудимый „не могъ быть сумасшедшимъ“ привелъ слѣдующіе доводы, которые я не могу оставить безъ вниманія, такъ какъ по нимъ однимъ можно уже судить объ основательности его доводовъ. Вопервыхъ, онъ сказалъ, что извѣстно, что когда сумасшедшій совершаетъ убійство, то онъ непремѣнно убиваетъ и самого себя. Откуда это ему извѣстно— г. товарищъ прокурора скрылъ и отъ васъ и отъ защиты. Если-бы дѣйствительно было такъ, то я смѣю думать, что не было бы тогда и больницъ для умалишенныхъ, а помѣщали бы ихъ на тѣ кладбища, гдѣ хоронятся самоубійцы. Вовторыхъ, г. товарищъ прокурора сказалъ: извѣстно, что никогда ни одинъ больной самъ не заявляетъ о томъ, что онъ боленъ и что для этого существуютъ *частныя общества*. Фраза эта записана мною цѣликомъ, во всей ея неприкосновенности. Но вопервыхъ, вы слышали, гг., что врачъ Беккеръ сказалъ, что онъ самъ знаетъ тьму случаевъ, когда больные приходили въ домъ умалишенныхъ и сами заявляли, что чувствуютъ, что они заболѣли. Вовторыхъ, я не знаю, гдѣ видѣлъ г. товарищъ прокурора такого рода общества, которыя бы занимались заявленіемъ о всѣхъ тѣхъ, кто сошелъ съ ума и отправленіемъ ихъ въ дома умалишенныхъ. Я проѣхалъ много городовъ Россійской Имперіи, но нигдѣ такихъ обществъ не встрѣчалъ и смѣю думать, что существованіе ихъ гдѣ—либо принадлежитъ лишь къ области фантазій г. товарища прокурора. Наконецъ, г. товарищъ прокурора заявилъ вамъ, что вы призваны сюда доказать передъ лицемъ всѣхъ, что нельзя убивать женъ, „да еще такихъ молодыхъ,“ какъ покойная Антонина Викентьевна. На этотъ доводъ обвинителя только и можно отвѣчать вопросомъ: ну, а старыхъ можно?

Полагаю, гг. присяжные засѣдатели, что всего сказаннаго мною достаточно, чтобы ожидать для подсудимаго приговора оправдательнаго, такъ какъ такой только приговоръ въ данномъ случаѣ и можетъ быть приговоромъ справедливымъ, приговоромъ людей, призванныхъ судить по совѣсти! Вы слышали показанія свидѣтелей, вы помните прочитанные вамъ акты осмотровъ о состояніи физическаго здоровья подсудимаго, вы слышали наконецъ мнѣнія врачей, давшихъ здѣсь заключеніе и я ни на минуту не сомнѣваюсь, что вы согласитесь съ ихъ мнѣніемъ, какъ съ мнѣніемъ людей, въ этомъ случаѣ единственно компетентныхъ, согласитесь съ тѣмъ, что подсудимый въ моментъ совершенія имъ преступленія былъ не преступникъ, а несчастный, больной человѣкъ и потому не рѣшитесь его обвинить,

такъ какъ нельзя обвинять больнаго за то, что онъ смѣлъ заболѣть.

Послѣ преній для разрѣшенія гг. присяжныхъ постановлены были слѣдующіе вопросы:

I. Было ли 9 ноября 1869 года канцелярскимъ служителемъ Иваномъ Ивановымъ Высотскимъ совершено убійство своей жены Антонины Викентьевой посредствомъ выстрѣла изъ револьвера?

II. Если означенное убійство совершено Высотскимъ, то не исполнилъ ли онъ его такимъ образомъ, что, задумавъ совершить это преступленіе, утромъ 9 ноября 1869 года взялъ изъ квартиры Становаго Пристава г. Лебедева заряженный револьверъ, съ нимъ отправился въ квартиру жены своей Антонины Викентьевой съ цѣлію убить ее, гдѣ и исполнилъ свое намѣреніе, сдѣланнымъ по женѣ выстрѣломъ?

III. Если Высотскій убилъ свою жену, то не сдѣлалъ ли онъ это вслѣдствіе раздраженія, но однако не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь своей жены?

IV. Если Высотскій убилъ свою жену, то не находился ли онъ во время совершенія убійства въ припадкѣ болѣзни, доведшей его до умопомраченія или совершеннаго безпамятства?

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія присяжные вынесли свой вердиктъ, которымъ на первый вопросъ отвѣчали: *нѣтъ*, остальные были оставлены безъ отвѣтовъ. (Въ публикѣ раздались громкія рукоплесканія, Предсѣдатель предложилъ Судебному Приставу удалить публику изъ залы, но она всетаки осталась).

Въ силу рѣшенія Присяжныхъ Засѣдателей судъ оправдалъ подсудимаго.

Послѣ прочтенія постановленія суда снова раздались рукоплесканія.

Цѣна 35 коп.

Цѣна 35 коп.